

Алена Волгина

Хозяйка
замка Уайтбор

16+

Энни Фишер

Алена Волгина

Хозяйка замка Уайтбор

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волгина А.

Хозяйка замка Уайтбор / А. Волгина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Энни Фишер)

Вторая книга о приключениях Энни Фишер. Девушка приезжает в замок Уайтбор, чтобы познакомиться с новым родственником и морально подготовиться к свадьбе, но всё складывается не так, как ей представлялось. Дядя-опекун вовсе не проявляет радушия; он дерзок, насмешлив и вообще, если честно, не очень похож на человека. Родовой замок обладает слишком живым самосознанием для древней кучи камней, а в холмах вокруг него кипит загадочная потусторонняя жизнь. В довершение всего, вероломный жених, кажется, начал поглядывать на другую девушку... Ситуация осложняется еще больше, когда в окрестностях замка происходит убийство.

Содержание

Пролог. Волшебный замок	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог. Волшебный замок

В детстве я мечтала стать принцессой. Когда нам удавалось выбраться из Кречи, мы с Глэдис пересекали длинный каменный мост через Тессу и украдкой, как зверьки, пробирались в «чистые» кварталы. Неподалеку от набережной, за вечно закрытым маленьким театриком и круглой тумбой, облепленной потрепанными афишами, сверкала витрина самой чудесной в городе лавки. Это место манило нас сильнее, чем миска сметаны – двух оголодавших котят.

Повиснув животами на каменном цоколе, мы могли подолгу обтирать пыльную стену, замирая от восторга перед витриной, где стояла Она – в пышном оборчатом платье, похожем на распустившийся цветок, с золоченой короной в пышных кудрях и в леденцовых туфельках. К кукле-принцессе прилагалась расписная карета, запряженная четверкой лошадей, и замок, поднимавшийся ярусами наподобие свадебного пирога.

Глэдис восхищалась платьем, в то время как я уделяла больше внимания замку, изучая его контрфорсы и зубчатые ободы башен. Они крепко упирались в склон холма, на котором зеленели кусты, вырезанные из бархатной бумаги. Ужасно хотелось проникнуть взглядом за замковые стены из папье-маше, чтобы оценить убранство внутренних покоев, но мне ни разу не представилось такой возможности. Обычно через некоторое время после нашего появления дверь игрушечной лавки распаивалась с мелодичным звяканьем, и на пороге возникала долговязая черная фигура магазинного клерка, грозящая нам кулаком. Так угрюмая ворона прогоняет от крошек шустрых воробьев. Мы с Глэдис были на него не в обиде. Схватившись за руки, мы, обмирая от собственной дерзости, мчались обратно через мост. Полученных впечатлений хватало надолго! Дома мы мастерили свадебные вуали из старой обмахрившейся занавески, которая не годилась даже на тряпки и потому была отдана в наше распоряжение. Потом строили «дворец» под столом, откуда крикливая Рут Бобарт, моя приемная мать, выметала нас веником, чтобы не путались под ногами. В то время я и подумать не могла, что когда-нибудь окажусь в настоящем замке, да еще на правах хозяйки!

Строго говоря, замок Уайтбор, где я сейчас находилась, не был моим. После смерти отца здесь хозяйничал его двоюродный брат, мистер Робин Уэсли. Я подозревала, что этот господин не слишком обрадуется моему приезду, поэтому как могла оттягивала встречу. Прежде всего мне хотелось «познакомиться» с замком. Оставив Неда Уолтера объясняться с экономкой, встретившей нас в холле, я прошла через темный коридор в правое крыло и остановилась, очутившись в полукруглой комнате с высоким потолком.

Вероятно, раньше здесь находилась часовня. Акустика была просто великолепная. Звук шагов, отзвываясь эхом, возносился ввысь и тонул в сумрачной глубине под стропилами. Несмотря на теплые зимние ботинки, мои ноги чувствовали холод, сочившийся из каменных плит. Замок следил за мной пристальным недоверчивым взглядом. Каждый камень его дышал стылостью. В окружающей звонкой тишине дрожали отголоски старых напевов, звучавших в те времена, когда я еще не появилась на свет.

Взгляд скользнул по стене и поднялся выше, от мрачно-серой каменной кладки к горящим витражам узких стрельчатых окон. Снаружи был обычный январский день, серенький и тусклый, но окна жадно вбирали в себя свет с улицы и переливали его в комнату, бросая вниз пряди невесомого разноцветного шелка. Я поднесла к свету ладонь и смотрела, как она окрасилась в смугло-желтый, фиолетовый... а потом вдруг вспыхнула тревожно-алым.

В воздухе зазвучала новая нота, некое смутное беспокойство, и я поежилась, как кошка, которую погладили против шерсти. На всякий случай убрала руку, сунув ее в муфту.

Уайтбор, замок Белого Вепря – непростое, таинственное место. Его корни уходят глубоко в земли графства Думанон, исконного царства фейри. Все холмы на многие мили вокруг когда-то принадлежали им. Моя мать была фейри. Она забрала отца на Ту Сторону, потому что

только так могла спасти ему жизнь. Этот замок будил во мне нечто такое, что я предпочла бы не вытаскивать на свет божий. Словно серый скалистый материк возвышался он над долиной, и отголоски волшебства пробегали по его стенам, как тени от солнца бегут по склонам холмов.

Или мне показалось? Я была стопроцентной горожанкой, привыкшей к уличной толчее и грохоту экипажей. После городской жизни любой уединенный замок показался бы прибежищем колдовских сил! Нед Уолтер после нескольких дней в Думаноне сказал, что здешние места тонут в туманах и скуке так же, как Эшентаун – в новостях и скандалах.

Вспомнив о своем покинутом напарнике, я засобиралась обратно. На пороге часовни в последний раз оглянулась. Пока я стояла здесь, солнце успело сместиться, и теперь в центр площадки падал робкий карамельно-розовый луч, снова напомнивший мне о Глэдис. Моя бывшая подруга исчезла, растворившись в закоулках Кречи. Этот грязный район Эшентауна был похож на жадное брюхо, перемоловшее немало человеческих судеб. Редко кому удавалось вырваться оттуда. Мне, можно сказать, повезло. Два года назад меня взял под крыло мистер Тревор, а потом вдруг отыскался влиятельный родственник – лорд Уэсли, владелец замка Уайтбор. Когда шеф показал ему документы, подтверждающие наше родство, Уэсли скрепя сердце согласился стать моим опекуном и даже выделить мне уголок в своём старинном замке.

Вот только у меня сменились приоритеты и быть принцессой мне больше не хотелось.

Глава 1

В доме на Гросвен-стрит с раннего утра стоял дым коромыслом. Забыв о недавних бедах, мы всей душой отдались подготовке к празднику. Я помогала Батлеру, дворецкому, укрепить за картинами пучки остролиста и развесить по стенам ветки омелы. В самый просторный угол столовой поставили крепкую пушистую елочку. Горничная Агата вдвоем с миссис Бонс наводили последний лоск на праздничный стол. Расставляя тарелки, миссис Бонс иногда промокала глаза фартуком от избытка чувств. Три дня назад всем нам было не до празднования. Хозяина дома, лорда Кеннета Фонтерою, собирались арестовать за несанкционированное превращение в дракона и уничтожение чужой собственности. Вообще-то в тот раз Кеннет пытался спасти мне жизнь, так что в случившемся была изрядная доля моей вины. Батлер тоже скомпрометировал себя, когда оказал сопротивление судейским и отправился на помощь Фонтерою. И в довершение всего наша скромница Агата поразила всех до глубины души, сознавшись, что под действием шантажа была вынуждена совершить кражу. В общем, в глазах общественности наш дом выглядел каким-то разбойничьим гнездом. Мягко говоря, наши дела были не очень хороши (*).

Затем внезапно всё изменилось. Мне удалось вернуть пропавший амулет, за что мистер Тревор, главный магистрат с Коул-стрит, перед всеми сотрудниками объявил мне благодарность. Более того, нам с Кеннетом удалось победить тяготившее его родовое проклятье, так что внезапное превращение в дракона ему больше не грозило. Хотя до сих пор с трудом верилось, что он меня любит. Моё воображение упорно отказывалось представить меня невестой знатного лорда.

За высокими окнами гостиной небо над Эшентауном постепенно меняло цвет с рыжего на фиолетовый. То здесь, то там загорались золотые глаза фонарей. Приближался вечер, значивший для меня очень много. Я не видела Кеннета с того дня, как мы расстались у дверей магистрата. После этого он постоянно был занят. Это слегка беспокоило.

Разглядывая свое мутное отражение в стеклянной горке, стоявшей напротив, я поморщилась. Половину последнего жалованья пришлось потратить на новое платье. Сшитое из скромного муслина, без всякой отделки, оно было мне больше к лицу, чем те роскошные наряды, в которых я изображала светскую дебютантку. Те наряды нужны были только для расследования. Вчера я аккуратно убрала их в чехлы и заперла в шкафу. Мне не хотелось, чтобы в наших отношениях с Кеннетом возникла фальшивая нота, а та леди, с которой он танцевал на балу – это была не я. Сможет ли он принять меня настоящую – вот главный вопрос, который меня волновал.

Тем временем очертания крыш медленно таяли в сгустившихся сумерках. Мягкий снежок заметал подъездную дорожку к особняку, на которой пока так никто и не появился. Волнуясь, я вытерла вспотевшие ладони о юбку. Скорее бы он приехал!

Наконец, в холле хлопнула дверь, отчего мое сердце заколотилось, как сумасшедшее. Кеннет! Вдруг подумалось, что было бы здорово встретить его первой. До того, как его вниманием завладеют Батлер и другие домашние, до того, как нам придется изображать равнодушную вежливость перед другими гостями! Полированный изгиб парадной лестницы плавно спускался вниз. Единственный светильник, горевший на стене, давал мало света. В мягкой полутьме холла я увидела силуэт высокого человека, который стоял, разматывая шарф. К нему уже спешил Батлер, чтобы взять шляпу и пальто. Отряхивая снег, человек отбросил со лба намокшие светлые волосы, и моя вспыхнувшая улыбка резко увяла. Это был не Кеннет. Новоприбывшим гостем оказался мой напарник Нед Уолтер.

*(прим. * – Эти события описаны в первой книге о приключениях Энни Фишер – «Коза дракону не подруга»)*

Горящие свечи создавали в столовой уютную атмосферу, бросая мягкие оранжевые отблески на лица гостей. Высокие серебряные подсвечники, ради праздника извлеченные из недр посудного шкафа, придавали окружающей обстановке оттенок торжественности. Мне же всё было не в радость. Как только стало ясно, что Кеннета мы сегодня не дождемся, вечер утратил для меня всякое очарование. К чему эти заботливо приготовленные блюда, горка крошечных пирожных, вино, которое тщательно выбирал мистер Батлер? Весёлая болтовня Селины и Селии Виверхем, заглянувших поздравить нас с Недом, тоже порядком раздражала.

Все мои мысли крутились возле двух писем, лежавших рядом с салфеточным кольцом. Их принес Нед Уолтер. Одно было от мистера Тревора, другое – от лорда Фонтероя. Первое я бы с огромным удовольствием сожгла в камине, а второе мне хотелось отнести к себе в комнату, положить под подушку и выплакаться всласть.

Уолтер неуклюже пытался меня утешить:

– Ты же знала, что его хотели отправить в Астилию! Правда, потом все согласились, что дракон-переговорщик – не слишком подходящая кандидатура для столь деликатной миссии, но теперь, когда проклятье благополучно снято, Фонтерой может оказать неопенимую помощь нашим союзникам!

Некоторое время назад я очень удивилась, узнав, что Кеннет, славившийся в молодости дуэльными подвигами и скандальными похождениями, заслужил среди высоких лордов репутацию искусного дипломата. Ситуация на Континенте была, мягко говоря, нестабильной: король Ральф, наш грозный соперник, подминал под себя одно государство за другим. Несчастливая Астилия пыталась то откупиться от грозного соседа, то договориться с ним. За развитием событий напряжённо следило наше правительство, не желавшее терять в Астилии выгодные рынки и порты для торговли. Но почему нужно было посылать именно Кеннета?! Ему-то как раз следовало держаться подальше от короля Ральфа, бывшего одним из соучастников кражи амулета! Поговаривали, что сацилийский король спал и видел, как бы заполучить на службу личного дракона.

– Уверен, что с ним все будет в порядке, – успокаивал меня Уолтер, давно научившийся читать мое лицо, словно книгу. – Вот увидишь, он вернется через месяц-другой как ни в чём не бывало. Кстати, ты за это время могла бы наладить отношения со своим дядей. Мистер Тревор правильно говорил, что родственниками пренебрегать не следует.

В этот момент, прервав монолог Уолтера, за нашими спинами возник мистер Батлер, подлив нам еще вина. Я задумчиво покрутила в пальцах тонкую ножку бокала. Странно, что в своих письмах Тревор и Фонтерой с таким единодушием старались выпроводить меня из Эшентауна...

Легкое светлое вино пахло солнечным днем, сеном и земляникой. Нед одобрительно кивнул, попробовав, я же промолчала, так как совершенно не разбиралась в винах. Зато, поработав у Тревора, научилась немного разбираться в человеческих характерах. Кеннет действительно иногда страдал от излишнего протекционизма, стремясь защитить меня от любой воображаемой опасности, но за мистером Тревором никогда такого не водилось. Откуда у них возникло это странное желание отправить меня к какому-то дяде, который двадцать лет меня не видел и знать не хотел?

Отодвинув бокал, я с подозрением уставилась на напарника, который тут же принял преувеличенно беззаботный вид.

– Это заговор, да? Значит, вот зачем Фонтерой в тот день приезжал к нам в суд! Что случилось на этот раз? Нам на голову свалилось новое дело, вызвавшее у лорда Кеннета обострение беспокойства?

– Нет-нет, что ты... – запротестовал Уолтер, но его выдала Селия:

– Я слышала, в газетах писали, что на той стороне Тессы, в квартале за Белой Часовней утром нашли труп молодой женщины! Восемь ножевых ранений – ужас! – выпалила она полупешепотом, перегнувшись ко мне через стол. Ее карие глаза блестели от волнения и страха.

– Мисс Селия! – воскликнул шокированный Уолтер. – Никогда бы не подумал, что вы читаете газеты!

– А я и не читаю, – тряхнула она светлыми локонами. – Но я слышала, как мама обсуждала эту новость с лордом Кервудом во время утреннего визита. И ещё они шептались, что это уже не первое подобное убийство!

Моя мысль заработала с лихорадочной скоростью. Значит, пока я была увлечена поисками амулета и другими делами лорда Фонтероя, эшентаунский преступный мир по-прежнему жил своей бурлящей жизнью. В трущобах «на той стороне Тессы», где-нибудь в Кречи или в Доках, человеческая жизнь подчас ценилась дешевле, чем лохмотья, которые на вас надеты. Но даже для тех мест подобные зверства были несколько чересчур...

– После такого жестокого убийства преступник наверняка был покрыт кровью с головы до ног, – задумчиво произнесла я. – Район возле рынка очень оживлённый, так что в таком виде далеко не уйдёшь, разве что он совершил своё чёрное дело в глухую полночь. Однако неподалёку есть опиумная курильня старика Квинси, где можно переодеться, причем клиенты Квинси обычно пребывают в таком состоянии, что даже слона не заметят. Квинси – вот кто нам нужен! Нужно срочно его допросить!

– Стоп-стоп-стоп! – осадил меня Уолтер, прихлопнув ладонью по столу. – Лично *нам с тобой* нужно завтра же собрать вещи и купить билеты на дилижанс, который отправляется в Кэреск, в графство Думанон. А твой совет насчет Квинси я передам Фоксу, спасибо. Наверняка он будет признателен.

Нед уже давно делал мне страшные глаза, намекая, что подобные разговоры вряд ли уместны в присутствии сестер Виверхем, но я только отмахнулась. После того как мы с Селиной спасли ее жениха, мистера Меллинга, от мерзейшего из городских ростовщиков, я сочла, что девушки достаточно знакомы с «изнанкой» эшентаунских улиц, и их тонкая душевная организация вполне может выдержать обсуждение убийства. Между прочим, Селия отлично вписалась бы в команду «ищеек»! Она так ловко научилась подслушивать, что дала бы сто очков вперед даже Фоксу!

Нашу занимательную беседу прервало появление рождественского пудинга – огромного и румяного, размером с тыкву. Миссис Бонс, сверкая улыбкой, внесла его в комнату на серебряном подносе. Пудинг весь был усыпан сахарной пудрой, поверх которой задорно торчала веточка остролиста. Я вспомнила, как две недели назад мы все вместе замешивали тесто и загадывали желания. Тогда я молилась, чтобы Кеннет как-нибудь поладил со своим внутренним драконом. А теперь вот возникли новые проблемы... Мне отчаянно хотелось перемахнуть через пролив, чтобы оказаться рядом с ним, в Астилии. Если уж встречать опасность, то вместе! Насколько легче иметь возможность помочь, чем сидеть тут и грызть ногти в ожидании редких весточек!

Пока миссис Бонс ловко раскладывала пудинг по тарелкам, Селина, старшая из сестер, застенчиво мне улыбнулась. Ее доброе сердце не могло вынести страданий Уолтера, который погибал от неловкости, пытаясь придумать другую тему для разговора. Селина с готовностью пришла на помощь:

– Мистер Меллинг передавал всем горячий привет. Он так жалел, что из-за простуды не смог лично засвидетельствовать вам свое почтение!

– Да ладно, – прыснула Селия. – На самом деле он жалел, что лишился возможности прочитать нам свои новые стихи. После схватки на Дорсет-стрит он написал целую эпическую поэму, посвященную храбрости мисс Фишер, – подмигнула она мне.

«Вот так банальная простуда может спасти четырех человек от мигрени», – подумала я.

– Передайте ему мою благодарность!

Боюсь, в моем голосе слишком явно слышалось облегчение, но Меллинг со своими стихами был действительно сущим наказанием! Из деликатности все делали вид, будто с удовольствием слушают его высокопарные декламации, только Селия, не стесняясь, подшучивала над поэтом. Она бы и сейчас не упустила случая поупражняться в остроумии, но её отвлек пудинг. Поднеся ложку к губам, девочка восхищенно вскрикнула:

– Смотрите, монета! Мне выпала монета, я буду богата! Селина, а тебе? Что, колечко? Давайте же, проверьте, кому что досталось!

Я уже и забыла, что суеверная миссис Бонс начинила тесто всякими штучками, в страстном желании предсказать нашу судьбу на будущий год. С осторожностью я разломила вилкой пышное тесто. На край тарелки, звякнув, выпала «холостяцкая пуговица»(*).

*(прим. *: Есть особое рождественское гадание с помощью пудинга, когда в тесто подмешивают всякие мелкие предметы. Обнаружить в своем куске кольцо – к свадьбе, пуговицу или наперсток – к холостяцкой жизни, птичью косточку – к удаче и путешествиям, монету – к богатству и благополучию)*

В ожидании, когда подадут экипаж для сестёр Виверхем, мы с девушками пили кофе в гостиной. Уолтер, у которого были еще дела, откланялся и ушёл. Селия вертелась возле елки, собирая с колючих ветвей конфетную дань. Мы с Селиной занимались тем, что обсуждали предсвадебные хлопоты. Особенно её волновал план рассаживания гостей за столом.

– Тетя Роуз не может сидеть рядом с дядей Генри, поскольку они друг друга на дух не переносят, – говорила она с огорчением. – А кузен Росс не может сидеть рядом с ними обоими, так как категорически не ест мяса, даже запаха его не терпит.

М-да, проблема. Такая задачка, пожалуй, требовала недюжинных познаний в комбинаторике! Вот уж не думала, что организация семейного праздника – настолько сложное дело!

Селина, неверно истолковав мою задумчивость, мягко накрыла мою ладонь своей:

– Забудь ты об этой дурацкой пуговице. Гадание на пудингах вообще никогда не сбывается! Уверена, что у вас с мистером Уолтером всё получится, ведь он так на тебя смотрел!

– Э-э... что?

Кажется, отвлекшись на математическую задачу, я слегка утратила нить беседы.

– Ты не замечала? – удивилась Селина. – Ведь Уолтер явно увлечён тобой!

Быть того не может. Мой напарник не из тех мужчин, кто способен легко увлечься. Кроме того, он недавно пережил тяжёлую личную драму, когда Агата Доусон призналась в своём предательстве. Её поступок навлек на нас массу проблем, но больше всего я была зла на неё из-за Неда. Его цельная натура не могла простить любимой девушке расчётливую злонамеренную ложь. Думаю, он скорее простил бы убийство! И теперь расстроенная Агата при каждом появлении Уолтера пряталась в недрах дома, а он так подчеркнуто *не* интересовался её делами, что воздух в комнате буквально звенел от невысказанных вопросов.

– Ты ошибаешься! Вообще-то мы помолвлены с лордом Фонтером, – растерянно произнесла я и сразу же пожалела, что у меня вырвалось это признание. Глаза Селины изумленно округлились:

– О! Ну тогда конечно... Если лорд Фонтерой просил твоей руки, он, конечно, не такой человек, чтобы ему можно было отказать! Но... ты точно уверена?

От ответа меня спас мистер Батлер, явившийся сообщить, что карета подана. Я вышла в холл, чтобы проводить обеих сестёр. Слова Селины снова разбередили мне душу. Мало ли что говорил Кеннет? Может, его горячие слова и признания были вызваны лишь благодарностью за то, что я спасла его от превращения в огнедышащую ящерицу!

Нет, не может быть. Мне вспомнился наш поцелуй в саду – и щекам стало жарко. Из чувства благодарности так не целуются! Однако Селина гораздо лучше меня разбиралась в светских условностях... Да и Уолтер смотрел с каким-то непонятным сочувствием...

Думаю, Нед опасался, что меня постигнет сильнейшее разочарование, а внезапный отъезд Фонтероя добавил ему оснований для беспокойства. Как он однажды сказал: «Высокие лорды редко женятся на бедных сыщицах». Не потому ли мистер Тревор решил спровадить меня в Думанон? Кеннет был честолюбив. Он многого добился за последние годы, но, чтобы продвинуться еще выше, ему следовало заручиться поддержкой какой-нибудь влиятельной семьи. В политическом мире действовали свои законы. Брак с подходящей девушкой был самым распространенным способом упрочить карьеру.

Просторный, продуваемый сквозняками холл в доме на Гросвен-стрит вдруг показался очень неудобным местом. Со стен, обшитых темными панелями, на меня строго смотрели достойные предки рода Фонтероев в золоченых рамах. Их взгляды не добавляли оптимизма. Нет, я должна была верить Кеннету! Разве можно забыть то тепло, которое он дарил каждым взглядом, каждым прикосновением? Я зябко обхватила себя руками. Из высоких окон и входных дверей тянуло холодом.

Стоя в неосвещенном холле и глядя в мерзлое завьюженное окно, я приняла решение: если Кеннет может поступиться честолюбием, чтобы жениться на мне, то и я должна немного умерить свои желания. Работа «ищейки» подождет. Я поеду в Уайтбор, завоюю доверие дяди (который представлялся мне этаким сморщенным старичком-отшельником) и докажу всем, что могу стать настоящей светской леди, такой же обходительной и заботливой, как Элейн! Кеннет поймет, что я смогу быть достойной спутницей! В письме он обещал, что как только вырвется из Астилии, то сразу отправится ко мне в Уайтбор. Обещал, что наша разлука продлится не дольше двух месяцев...

Я улыбнулась про себя. Он удивится, когда увидит, как сильно я могу измениться!

Глава 2

Два дня спустя мы с Недом уселись в дилижанс, следующий из Эшентауна в Кэреск, самый крупный город южного побережья. Нам предстояло провести в пути около недели. Был один из тех ясных, искристых дней, которые приносят с собой радость и оживление. Ночью дорогу прихватило морозцем, на ветвях деревьев поблескивал свежий иней. Наша повозка, запряженная четверкой лошадей, весело бежала вперед, позвякивая упряжью. Кучер скептически заявил, что это ненадолго. «Мы еще хлебнем распутицы, не успев доехать до Шиффрида», – сказал он, отъезжая от станции.

С нами ехали четверо попутчиков, которых не отпугнули тяготы зимнего пути. Рядом со мной и Недом, сидевшем возле окна, разместился немолодой священник с узким востроносым лицом, не выпускавший из рук пухлую Библию. Напротив расположились: чопорная вдова, закутанная в темную вуаль, румяный джентльмен с бакенбардами, одетый в коричневый сюртук и слишком яркий клетчатый жилет, и молодая девушка. Звали ее мисс Бейли. Лицо она скромно прятала под дешевой соломенной шляпой, тощий плащик тоже был потрёпанным и не слишком чистым, зато она была обута в новенькие жёлтые полуботинки, которые стеснительно задвинула под скамью.

В тесной карете никуда не денешься от разговоров. Мы быстро перезнакомились. Чопорную вдову, похожую на ворону, звали Харриет Трелони, и она возвращалась от родственников. Мистер Сликер, священник, ездил в Эшентаун по делам своего прихода. Клетчатый Жилет носил имя мистер Пай и подвизался в торговле.

– Я б ни в жисть не поехала в такую стынь, кабы не моя мамаша, – жаловалась девушка, оказавшаяся дочкой кожевника. – Мою дурищу-сестрицу угораздило выйти за сапожника из Шиффрида. Нынче она на сносях, вот мать и послала меня помочь...

И она с тоской посмотрела в окно, где проплывали белесые заснеженные пригороды, кое-где размеченные серыми штрихами небольших рощиц. Над тёмными крышами курился дымок.

– Ну, вы-то, мисс, доберетесь до места еще затемно, – позавидовал мистер Пай. – А вот мне предстоит тащиться до самого Кэреска!

– О, вы едете в Думанон? – восхитился словоохотливый священник. – Правда ли, что медь и олово лежат там почти под ногами, и если поладить с нокерами (*), те вынесут вам из недр богатейшей руды на десятки фунтов? – Его маленькие вострые глазки заблестели от жадности, словно мелкие монеты.

– Если бы! – хохотнул мистер Пай. – Мой приятель служит в банке в Босвене, и он говорит, что почти все местные шахты убыточны. Горная порода в Думаноне давно истощилась. Теперь, прежде чем извлечь деньги из недр земли, приходится их сначала вложить, так что местные землевладельцы вынуждены всё больше занимать у банкиров.

– Чушь, – уронила строгая миссис Трелони. Никто не понял, кому предназначалось ее замечание, но все умолкли. Старая дама поджала губы под вуалью и тоже замолчала.

За разговорами время летело незаметно. Зимой вообще рано темнеет. Мы едва проехали половину дневного пути, когда небо начало густеть, принимая лиловый оттенок. С востока напозала сырая пелена облаков. Пейзаж за окном оставался таким же унылым, только вдалеке зажглись редкие огоньки человеческого жилья. В полном соответствии с прогнозами кучера, дорога испортилась. Повозку нещадно трясло на каждом ухабе, и от толчков кожаный верх, обитый гвоздями, раскачивался туда-сюда. Мистер Сликер, что-то пробурчав, крепче прижал к груди Библию. От особенно сильного толчка проснулся даже Клетчатый Жилет, прикорнувший в уголке кареты.

– Эй, полегче, уважаемый! – возмутился он, заколотив он в переднюю стенку.

Кучер не внял его просьбе. Повозка, раскачиваясь, покатила еще быстрее.

– Нам повезет, если мы доберемся до места с целыми костями, – держась за раму окна, процедила миссис Трелони.

Снаружи послышался залихватский свист, сопровождаемый дробным стуком.

– Что там происходит? – удивился мистер Сликер.

– Нас кто-то догоняет! – воскликнул Уолтер, высунувшись в окно.

– Разбойники? – пискнула мисс Бейли.

«И охранника нет, как назло!» – с досадой подумала я. Многие дилижансовые компании сэкономили, нанимая охранников только после Шиффрида, так как на дорогах возле столицы дежурили вооруженные патрули, и ездить по ним было относительно безопасно. Однако сегодня нам не повезло.

– Почему этот болван кучер не взял охранника! – словно эхо моих мыслей, воскликнул мистер Сликер. Он с такой силой вцепился в книгу, будто разбойники намеревались ее отобрать.

– Вероятно, надеялся на волю Провидения, – пошутил мистер Пай. Никто не засмеялся.

– Только полный идиот может выдумать такое! – огрызнулся священник. Нервы у него, видимо, были слабоваты для таких приключений.

Топот тем временем приближался. Кучер выжимал из лошадей всё, на что они были способны, но погоня неминуемо нас настигала. Миссис Трелони, со сжатыми в нитку губами, заносчиво выпрямилась:

– Клянусь, от меня эти бродяги не получат ни пенса!

Затянутыми в перчатки пальцами она проворно достала из сумочки звякнувший кошелек и сунула его за подушки сиденья. Глаза её торжествующе сверкнули из-под вуали. Уолтер, очень сосредоточенный, извлёк откуда-то одноствольный пистолет с кремниевым замком. Я невольно отшатнулась, а впечатлительная мисс Бейли даже вскрикнула. Нед принялся взводить пистолет, что из-за отсутствия сноровки заняло некоторое время. «Ищейкам» Тревора редко приходилось применять огнестрельное оружие. Я, например, вообще никогда в руках его не держала, и даже не знала, что Нед у нас, оказывается, вооружён! Остальные попутчики испуганно сбились в противоположном углу кареты.

Зарядив наконец пистолет, Нед высунулся в окно и старательно прицелился. Мы все затаили дыхание:

– Стреляйте... стреляйте же! – не выдержал мистер Пай.

Всё случилось одновременно. Грохнул выстрел, лошади испуганно рванулись вперед, повозку трянуло. От толчка Нед едва не упал на миссис Трелони; мисс Бейли, свалившись на меня, оцарапала мне щёку своей корзинкой; мистер Сликер, шаря под скамьями, причитал: «Моя книга!» Прошло много времени, прежде чем нам удалось навести порядок. Зато топот позади экипажа затих.

– Мы спасены, да? – неуверенно произнесла мисс Бейли. – О, мистер Уолтер! Вы просто герой! Наверняка грабители испугались вашего выстрела!

– И лошади тоже, – пробормотал священник. Впрочем, Неду он улыбнулся вполне дружелюбно.

Впереди уже маячила горсть огоньков, и даже в сгустившемся сумраке можно было различить шпиль колокольни. Мы почти добрались до Шиффрида! Все наперебой поздравляли друг друга с чудесным спасением. Все, кроме миссис Трелони. Её лицо резко выделялось своей мрачностью на фоне улыбок мисс Бейли и Клетчатого Жилета. Вдова сидела молча, с ровной, как жердь, спиной.

– Что с вами, миссис Трелони? Надеюсь, я не ушиб вас! – учтиво осведомился Нед.

– Хм, – прозвучало в ответ.

Я первой догадалась, в чем дело:

– Где ваш кошелек? Тот, который вы спрятали за подушками сиденья?

Было видно, что в душе миссис Трелони соперничают досада и нежелание ввязываться в публичные разборки:

– Вы знаете... его действительно нет. Хм. Я нахожу это очень неприятным.

Поиск под скамьями ничего не дал. Радостные улыбки в экипаже погасли, сменившись настороженными, подозрительными взглядами. В воздухе повисла угроза.

– Чё ты пялишься? – набычился Клетчатый Жилет, которому не понравился пристальный взгляд Уолтера. Может, это ты спёр! Ты ж едва не упал на бедную даму, когда нас в последний раз потрянуло! Так что запросто мог пошарить за подушками!

Нед промолчал, однако за него вступился мистер Сликер:

– Зато вы сидите с миссис Трелони на одной стороне, так что вам куда проще было добраться до кошелька. Послушайте, так мы ни к чему не придем. Может быть, тот, кто взял кошелек, сознается в дурной шутке? Не обыскивать же нам друг друга!

Мы снова обменялись взглядами. Сознаться никто не спешил. Экипаж постепенно приближался к городу, а обстановка в нём становилась все более накалённой. Я поняла, что пора брать дело в свои руки:

– Обыскивать никого не придется, – сказала я, строго глядя на мисс Бейли, которая вся съёжилась, будто пытаюсь спрятаться целиком под полями шляпы. – Давай-ка сюда твою корзинку, дорогуша. Ты, конечно, неплохая актриса, но твоя речь слишком грязная даже для кокни. Чтoб ты знала, в Кречи так не говорят. И ботиночки тебе явно жмут: я же видела, как ты поджимала ноги всю дорогу. Судья в Шиффриде наверняка спросит, с кого ты их сняла!

Когда я была маленькой и жила в Кречи, мистер Бобарт, мой опекун, собиравшийся использовать меня в своих грязных делишках, весьма жёсткими мерами приучил меня разговаривать на чистом языке. Но когда все вокруг постоянно коверкают слова и проглатывают звуки, поневоле запомнишь эту манеру. Мисс Бейли слишком переигрывала, изображая жительницу эшентаунских трущоб. Больше было похоже, что она родом из какой-нибудь местной деревни, и наверняка «разбойники», якобы преследовавшие экипаж, были её сообщниками. Не думаю, что они всерьёз собирались напасть на карету. Просто хотели посеять панику, чтобы в общей суматохе девчонка могла стянуть что-нибудь и тут же сойти на ближайшей станции.

Всклипнув, девушка беспрекословно протянула мне корзинку, накрытую не очень чистым платком. Я поворошила вещи: узелок с хлебом, неоконченное вязанье, две луковицы... и никаких признаков кошелька! Неужели я ошиблась?! Мои щеки налились тяжёлым жаром от стыда.

– Думаю, преступница действовала не одна, – прозвучал над ухом безмятежно спокойный голос Неда. – Девушка вытащила кошелек из-за подушки и незаметно уронила его на пол, а потом... – с этими словами мой напарник резко выхватил Библию из рук мистера Сликера.

Мы все ахнули от такой непочтительности. Но каково же было моё изумление, когда книга оказалась фальшивкой! В середине было вырезано углубление, как раз достаточное для того, чтобы спрятать небольшой предмет. Оттуда торчал краешек темного бархата. Мысль, что священную книгу можно использовать таким образом, заставила всех онеметь.

– Это не Библия, – так же спокойно добавил Нед, взглянув на уцелевшие строки. – Хотя преступление от этого не становится менее дерзким. Думаю, всем очевидно, что у нас имеется двое сообщников.

– Ну и дела! – ошарашенно вытаращился мистер Пай. Миссис Трелони молча сверкнула глазами из-под вуали, и в ее взгляде на миг почудился опасный серебряный блеск.

В Шиффриде нам пришлось завернуть в магистрат, чтобы сдать в руки правосудия двух воришек. Служащие оказались не слишком расторопны, так что, когда мы с Недом добрались наконец до постоялого двора, над городом уже стояла глубокая ночь. Мы были голодные и злые, так как с самого утра у нас во рту не было ни крошки. Сердобольная хозяйка, сжалившись,

налила нам по тарелке ещё тёплого сливочного супа и оставила нас одних. Все светильники в комнате уже потушили, под сероватым пеплом в камине приглушённо краснели угли.

Утолив первый голод, Нед выразил мне своё восхищение:

– Когда вернусь, расскажу Старику! Ты отлично показала себя, разоблачив эту тихоню мисс Бейли!

Я с трудом оторвалась от супа, оказавшегося восхитительно вкусным:

– Наоборот, я чуть не опростоволосилась, отобрав у неё корзинку. Вот ты действительно молодец! Насчет Сликера у меня даже тени подозрения не было!

– Я заметил, как они переглядывались с мисс Бейли. И потом, ни один священник не стал бы так дерзко говорить о Провидении, у них это не принято. Знаешь, мои родители хотели, чтобы я выучился на священника. Я ведь четвёртый сын в семье.

Я не знала таких подробностей, хотя мы с Недом давно работали вместе. И сегодняшнее дело смогли раскрыть только сообща... Вдруг подумалось, как умело мистер Тревор подобрал свою команду, как удачно он нашёл людей, чьи способности дополняли друг друга! Я, к примеру, знала все трюксы за Тессой, словно собственную ладонь. Фокс великолепно ориентировался в Доках и имел там массу полезных знакомств. Уолтер мог наизусть процитировать любую статью из свода законов. Пусть со временем, пусть не сразу, но мистер Тревор сумел сколотить такую крепкую команду «ищек», где каждый был на своем месте и играл свою роль.

– Мне так будет этого не хватать! – искренне сказала я, чуть не плача. – Я имею в виду – всего этого. Общей работы... разглагольствований Хаммонда... даже Фоксовых ядовитых шуточек, чёрт бы его побрал!

Нед отлично понял меня:

– Мне тоже, Коза. Без тебя наша команда будет уже не та. Но я уверен, ты найдешь, чем заняться в Уайтборе. Просто представь себе, что замок – это ещё одна загадка, которую тебе предстоит разгадать.

Он наклонился ближе, сцепив сложенные на столе ладони. В его светлых глазах заблестел хорошо знакомый азарт:

– Почему дом был заброшен после смерти подполковника Уэсли? Почему твой дядя сторонится общества? Почему этот замок являлся тебе во снах? Подумай об этом.

И, откинувшись на спинку стула, добавил:

– Сыщик так устроен, что везде, куда бы ни отправился, найдёт себе дело.

Тогда мы и представить не могли, насколько он оказался прав.

*(прим. *: нокерами (knocker) в Корнуолле называют горных гномов)*

Чтобы добраться от Кэреска до Триверса, самого оживленного города в графстве, нам пришлось пересесть в почтовую карету. Дорога шла вдоль побережья, так как полуостров Думанон представлял собой узкий клин, далеко вдававшийся в холодное Гэльское море. Я смотрела, как на пустынный берег, изрезанный бухточками и заливами, набегали пенные волны, разбиваясь об угрюмые скалы. По обеим сторонам дороги тянулись унылые пустоши, порыжевшие, прихваченные морозом. Кое-где в холмах торчали дымоходы шахт. Иногда над ними вился дымок, но большинство шахт казались заброшенными, а в дымоходе одной из них свили гнездо голуби. Всё это подтверждало правоту мистера Пая.

Бесприютный однообразный пейзаж не мог отвлечь меня от мыслей о замке Белого Вепря. В первый раз я увидела его во сне сразу после пропажи волшебного амулета. Словно бы прикосновение к волшебству разбудило во мне магию, унаследованную от матери. Потом я не раз пыталась восстановить в памяти его образ, но Уайтбор ускользал от меня. Перед глазами возникал не один замок, а несколько – вечно меняющихся, перетекающих друг в друга.

Строгий фасад с высокими сводчатыми окнами напоминал о классическом стиле. Мощные башни, испятнанные черным плющом, грозно вздымались к небу, поддерживаемые изящ-

ными контрфорсами. Черепица крыш мягко серебрилась в свете луны. Окруженная сияющим ореолом, луна обливала стены кислотоватым тревожным светом, погружая подножие замка в глубокую тень.

Чем ближе я подходила к замку – тем сильнее менялся фасад. Колонны у парадного крыльца превратились в пилястры, а затем и вовсе исчезли. Мрачную истёртую кладку заменил темно-красный кирпич; круглое витражное окно на высоте третьего этажа внезапно выпятилось, образовав решетку ажурного балкона. Теперь фасад выглядел повеселее. Из крыш, откуда ни возьмись, вылезли каминные трубы, словно свечи на торте. Замок как будто сворачивался внутрь себя, изгибался, нахально презирая физические законы.

Когда я поднялась на крыльцо, тяжёлые двери со стоном распахнулись. Изнутри полы были выстланы мягким мхом, золотившимся в свете ламп. Среди мха пестрели россыпи мелких цветов, похожие на брызги лунного света. Внутреннее убранство холла, с его хрупкими висячими галереями и разновеликими колоннами вдруг напомнило залу театра «Дримхилл», где мне однажды довелось побывать.

«Нет, театр здесь не при чем, – поняла я. – Это внутренность холма сидов». Волей случая замок Уайтбор представлял собой ворота в волшебное царство фейри, находясь на самой границе между нашей и Той Стороной.

Мне бы отступить, вернуться назад, но позади вдруг послышался грохот осыпающихся камней, и стало ясно, что воспользоваться прежним выходом уже не удастся. Не зря Амброзиус предупреждал, что в мире фейри нет двух одинаковых дверей, и любая дверь, сквозь которую ты пройдёшь, захлопывается навсегда!

Я в смятении оглянулась... и тут кто-то потряс меня за плечо:

– Энни, проснись! – послышался голос Неда. – Мы переправляемся через Тэйме. Ты не можешь бездарно проспять такой момент! Эта река отделяет земли Думанона от остальной Грейвиллии.

Остатки сна слетели с меня, когда колёса кареты загрохотали по булыжникам, и нас нещадно затрясло, как на стиральной доске. Шесть высоких каменных опор пронзали скользкое тёмное тело реки, словно огромные ребра доисторического животного. Далеко внизу неохотно двигались почти застывшие водные струи. Река Тэйме будто ледяным ножом безжалостно отсекала мое прошлое. С каждым оборотом колеса Эшентаун становился все дальше. Впереди нас ждала неизвестность.

Воздух был холодным и влажным после дождя. Наверное, я ещё не совсем очнулась от волшебного сна, потому что казалось, что в иссечённых ветром пустошах Думанона притаился и дышит целый зачарованный мир.

Почтовая карета гораздо быстрее дилижанса, да и охрана при ней получше, так что остаток пути прошел без происшествий. В Триверсе мы наняли экипаж, чтобы добраться до замка. Нед убеждал меня отдохнуть в гостинице хотя бы часок, но меня подгоняло нетерпение, так хотелось поскорее увидеть Уайтбор.

Не поверите, но я чувствовала зов этого каменного исполина всё время, пока наша повозка тащилась по холмам, покачиваясь под порывами ветра. Какое-то смутное чувство гнало меня вперед. И когда мы наконец вышли из экипажа перед грозными башнями, подпирающими небо, я забыла обо всем на свете: о возможном недовольстве дяди, об экономке, встретившей нас у дверей, и даже о моём напарнике, настолько меня захватило таинственное очарование замка.

Разумеется, встреча с мистером Уэсли все-таки состоялась. Мой новый родственник принял нас в старинной гостиной, освещённой пятью огромными паникадилами, свисавшими с потолка. Несмотря на столь ранний час, свечи уже горели. Может, лорду Уэсли нравилось исходящее от них тепло. Или он просто не выносил зимних сумерек. Вид у него был усталый, слегка

раздраженный, и он меньше всего походил на румяного добродушного сквайра, которого я успела нарисовать в своём воображении.

На вид Робин Уэсли казался ненамного старше Фонтероя, хотя, конечно, был далеко не так красив. Его узкое нервное лицо имело отдалённое сходство с отцовским портретом, но было словно перекручено, искажено от каких-то потаённых чувств. Губы плотно сжаты, тёмные волосы зачесаны на одну сторону, левая бровь вечно вздёрнута в ироническом удивлении.

Он стоял перед нами, скрестив руки на груди, и я заметила, что одно его плечо было выше другого. Большие глаза скрывались под тяжёлыми полуприкрытыми веками, на лице застыло угрюмое, желчное выражение.

«Не удивительно, что ему приходится жить отшельником!»

– Значит, вы – та самая племянница из Эшентауна, – лениво процедил «добрый» дядюшка, пройдясь по мне неприязненным взглядом.

– Да, милорд. Меня зовут Энни Фишер, – просто сказала я, неловко поклонившись. – А это мистер Уолтер, мой... хороший знакомый.

Такие слова как «магистрат», «ищейка» и «расследование» были совершенно неуместны в этой рыцарской гостиной, под высокими сводами которой чувствовалось дыхание древних веков.

Лорд Уэсли рассмеялся. Дробный колючий звук рассыпался по углам.

– Энни Фишер? – выплюнул он. – Чем скорее вы забудете эту плебейскую кличку, тем лучше. Леди Анна Уэсли.

«Это он ещё про Козу не знает», – мелькнула мысль. Каждый звук нового имени падал веско, как камень. Дядя не просто произнёс его – он облёк меня в это имя, словно в парадную мантию. Я всей кожей ощутила ее тяжесть, возложенную на плечи. Стало не по себе. Лорд Уэсли тем временем обернулся к Неду:

– Разумеется, вы останетесь пообедать?

Это прозвучало так, что даже человек не светский, чьи уши не были приучены различать тонкие оттенки смыслов, понял бы, что ему здесь не рады. Нед засомневался, перехватив мой умоляющий взгляд. Я уже начала понимать, что жизнь вдвоем с дядей вряд ли будет приятной для нас обоих. Мне ужасно не хотелось оставаться с ним наедине хотя бы сегодня!

– Я... Благодарю вас, милорд, я останусь, но потом сразу же отправлюсь в дорогу. Служба не ждет, – ответил Нед с неуверенной улыбкой, словно пытаясь извиниться перед нами обоими.

– Прекрасно вас понимаю. Миссис Дэвис покажет вам комнаты. Моя экономка.

Схватив со стола колокольчик, лорд Уэсли раздраженно затряс им. Ему явно не терпелось от нас избавиться. Дверь в столовую тут же открылась. На пороге стояла невзрачная женщина в сером – та же самая, что встретила нас по приезде в замок. Мы с Уолтером неприлично обрадовались её появлению и поспешили покинуть гостиную. Ну и тип этот Робин Уэсли! Даже не знаю, как я продержусь здесь до приезда Кеннета!

Уже на пороге я неожиданно для себя оглянулась. Лорд Уэсли по-прежнему стоял возле стола и задумчиво смотрел мне вслед. Было трудно выдержать его прямой испытующий взгляд. Я замешкалась, но миссис Дэвис, пропустив меня, закрыла за нами дверь.

Глава 3

После чрезвычайно церемонного обеда мой напарник отбыл обратно в Триверс (с немалым облегчением, я полагаю), оставив меня обживать на новом месте. Миссис Дэвис приготовила мне спальню в правом крыле замка, почти в самом конце длинного коридора. Моя усталая голова была не в состоянии запомнить маршрут. В памяти отложилось только, что идти до комнаты пришлось долго, и по пути мы миновали несколько тёмных лестниц. Замок чутко прислушивался к нашим шагам, отмечая их гулким эхом. В этих каменных лабиринтах немудрено заблудиться!

– Здесь вам будет спокойно, мисс, – говорила экономка, пока маленькая смуглая горничная застилала постель. Простыни, нагретые у каминной решетки, хлопали, как белые паруса.

– Надеюсь, привидения меня не побеспокоят, – пошутила я. В таком древнем замке они просто обязаны быть! Я подумала о целой череде предыдущих владельцев этой кровати, на которой мне предстояло провести ночь.

– Вряд ли, – невозмутимо отозвалась миссис Дэвис. – Белая Леди редко устаивает нас своим посещением. В основном она обитает на чердаке или в башне Корвин. Ей нравится уединение.

«Это наверняка шутка! – подумала я. – Не можем же мы всерьёз обсуждать манеры и привычки домашнего призрака, да еще в присутствии слуг!»

Я оглянулась в сторону кровати, закрытой тяжелым бордовым балдахином, но горничной там уже не было. И когда она успела выйти? Я выглянула в коридор. Вдалеке, смутно освещенная стоявшим на полу фонарем, хрупкая девушка добросовестно обметала стоящие в нише старинные доспехи. Метёлка так и мелькала в её смуглых руках. Расторопности и проворству здешних слуг можно было только позавидовать!

Собираясь вернуться к миссис Дэвис, я остановилась на пороге, а потом снова выглянула в коридор. Абсурдная мысль, но мне вдруг показалось, будто скамья, стоявшая в нише окна напротив моей комнаты, отрастила себе лишние ноги.

Ниша была пуста. Я моргнула несколько раз – скамья исчезла! Что за чудеса?

– С вами всё хорошо? Принести вам стакан молока перед сном? – предложила экономка.

Речь ее звучала мягко и добродушно, но лицо оставалось на редкость бесстрастным и безвольным, как у тряпичной куклы. Словно это было не человеческое лицо, а лишь набросок, ожидающий, что ему сообщат какие-то чувства.

Пересилив внезапный страх, я улыбнулась:

– Не нужно, спасибо. Спокойной ночи.

– Доброй ночи. Спи крепко.

Миссис Дэвис вышла, шурша накрахмаленными юбками. Теперь можно было как следует осмотреться в своих владениях. Подойдя к окну, забранному круглыми «лунными» стёклами в свинцовом переплете, я толкнула неподатливые створки. Лицо и руки сразу съжились от холода, взгляд провалился в темноту. Комната выходила на замковый ров. В нижних этажах кое-где светились тёплые огоньки, но высокие башни, иссеченные ветром, угрюмо чернели, утопая в низких облаках.

– Я могу разобрать ваши платья, если хотите, – прозвучало вдруг за спиной.

От неожиданности я подскочила. В дверях смежной комнаты, куда мы сгрузили все чемоданы, стояла давешняя горничная, держа стопку нижних юбок. Ее руки, погруженные в ворох белых кружев, казались хрупкими коричневыми веточками. Я ошарашенно перевела взгляд на дверь, ведущую в коридор. Не могла же девчонка раздвоиться!

– Как твое имя?

– Меня зовут Тернер, мисс. Элспет Тернер.

– Я же недавно... да чего там, только что видела тебя в другом конце коридора!

Поколебавшись, она ответила:

– Наверное, это была моя сестра, мисс. Мы с ней обе служим здесь.

Ну конечно! Почему такая простая мысль сразу не пришла мне в голову? Я ведь уже знала одну пару двойняшек! Селия и Селина, мои подруги, тоже обладали удивительным внешним сходством, зато их характеры отличались, как небо и земля. Это всё замок виноват в моих страхах! Его мистическая атмосфера с непривычки действовала на нервы. Да ещё с пустошей наползал странный туман, в котором мне настойчиво мерещились отголоски волшебства...

Сделав книксен, Элспет ушла, оставив меня готовиться ко сну. За окном разгулялся ветер, вытряхивая душу из деревьев и бросая в стекло горсти ледяных капель. К счастью, в кровати обнаружилась заботливо приготовленная грелка. В Думанон пришли рождественские шторма... Надеюсь, Уолтер доберется благополучно! С его-то добросовестностью вряд ли он станет пережидать непогоду в Триверсе или Босвене! Нед Уолтер получил от мистера Тревора чёткий приказ: доставить меня в замок и сразу вернуться обратно, а он у нас имел дурную привычку понимать приказы буквально...

От Уолтера мои мысли перекинулись к Агате, тоскующей в далеком Эшентауне, потом – к безмятежно-счастливой Селине... Вдруг вспомнился один забавный обычай, я, немного стесняясь, прошептала в подушку: «Чур, на новом месте приснишь жених невесте».

Было бы так чудесно увидеть Кеннета, хотя бы во сне, хотя бы на минутку! С этой мыслью я задремала... и приснился мне мистер Лайбстер.

Проснулась я оттого, что на меня давил холодный лунный свет. Ночью небо очистилось, и луна единовластно царил на нем, обливая крыши Уайтбора голубоватым свечением. Злясь на дурной сон, я сердито взбила подушку и закуталась в одеяло. Мне было холодно, но этот холод шёл изнутри. Мистер Лайбстер всегда вызывал у меня возмущение, смешанное со страхом. Хуже этого сна было бы только встретить его наяву!

Кроме меня и других «ищеек» больше никто не знал, что на самом деле «мистер Лайбстер» был вовсе не секретарём сацилийского посольства, а сидом с Той Стороны. Встреча с ним ничего хорошего не сулила. В прошлый раз он пытался втянуть меня в какие-то интриги, но потом отступился. По крайней мере, я на это надеялась.

Снова заснуть было страшно. Так я и просидела в постели до утра, завернувшись в одеяло и думая о разных вещах. Когда квадрат окна посветлел, и комната вокруг постепенно обрела очертания, я решила заняться делом. Пора мне по-настоящему познакомиться с замком! Особенно манили старые башни, с верхушки которых можно было осмотреть все окрестности.

Слуги, вероятно, уже поднялись, но на верхних этажах еще царило безмолвие. Я тихонько шла по изгибающемуся переходу, но остановилась, различив за дверью чей-то сбивчивый шепот. Два тоненьких голоса взволнованно обсуждали что-то между собой:

– Ты видела ее глаза? А кожа, бледная, как снятое молоко? Она наша!

– Хозяин рассердится.

– Может быть. А вдруг хозяйка будет лучше?

Развернувшись, я на цыпочках двинулась в обратную сторону. Понятия не имею, о чем шла речь, но сейчас мне не хотелось встречаться со слугами и терпеть их любопытные взгляды. Поищу другую лестницу, благо их здесь десятки.

Вскоре я нашла то, что искала: тесный каменный колодец, в котором виток за витком поднимались в высоту узкие ступени. Здесь было уютно и тихо. Замечательно! На миг меня охватило острое чувство предвкушения, словно в детстве, на пороге старого дома, манящего неведомыми сокровищами и духом приключений.

Подъем дался нелегко. Я совсем запыхалась, когда лестница привела меня наконец к низкой двери, обитой древними гвоздями с квадратными шляпками. Ее запирали щеколда, такая

тяжёлая, что я еле смогла её отодвинуть. Пригнувшись, чтобы не разбить лоб о притолоку, я переступила порог – и очутилась на чердаке. Широкое пространство было всё расчерчено полосами белёсого света. Высоко над головой плыли по воздуху гигантские стропила. Возле стен сгрудились сундуки, рваные ширмы, какие-то мешки, ящики, обломки... Это было кладбище покинутых, ненужных вещей. Дневной свет едва пробивался сюда сквозь немытые окна и трещины в покоробленном дереве.

Здесь царило запустение и лёгкая невесомая печаль. Толстый слой пыли укрывал все вокруг, разлегшись на тёмных крышках сундуков, на мягких подушках кресел, обитых истёртым шелком, цвет которого уже нельзя было определить. Я пробралась к окну, оставляя на полу чёткую цепочку следов. Впечатление такое, что сюда сто лет не заглядывала ни одна живая душа.

Внизу под окном теснились разномастные кровли, покрытые черепицей. Кое-где в ней зияли прорехи. Ещё ниже виднелась часть угловатого дворика размером не больше носового платка, где сутились человеческие фигурки размером с наперсток. За горой Уайтбор, на которой был выстроен замок, простирались пологие спины холмов, полускрытые туманом, да тянулась колючая полоска Кардинхэмского леса.

Вдруг по стене чердака наискось метнулся крапчатый, пятнистый свет, будто кто-то решил поиграть в «солнечные зайчики». Только солнца снаружи не было. Стояло обычное зимнее утро, когда кажется, что в воздухе разлита тишина, и сонное небо безмятежно переглядывается с землёй.

Мне показалось, что в тёплую, задумчивую дремоту этого места вкралась тревожная нотка. Уж не призрак ли решил напомнить о себе? Как её там, Белая Леди?

– Миледи? – тихо позвала я, чувствуя себя довольно глупо. Раньше мне как-то не приходилось общаться с привидениями голубых кровей.

В ответ – тишина. Лишь качнулись в углу лохмотья роскошной паутины, свидетельствующей о многолетнем неустанном труде пауков.

– Есть тут кто-нибудь? – спросила я громче. И чуть не вскрикнула, заметив на пороге знакомую щуплую фигурку. Девушка стояла, смиренно сложив руки-веточки на чистейшем белом переднике. Это была Элспет. Или, возможно, ее сестра.

– Хозяин привык завтракать в девять, – произнесла она извиняющимся тоном. – Мы никак не могли вас найти.

«Ну еще бы. Как она вообще ухитрилась меня отыскать?!»

– Что ж, тогда не будем заставлять его ждать, – улыбнулась я. – Только на минутку загляну к себе.

Девушка нерешительно помотала головой, вперив в меня яркий взгляд, в глубине которого угадывалась жалость:

– Я бы на вашем месте поторопилась, мисс. Иначе лорд Робин может здорово рассердиться.

Завтрак накрыли в «рыцарской» гостиной. Комната была такой длинной, что стол, рассчитанный на пятьдесят человек, казался маленьким островом, потерявшимся в её прохладных глубинах. Толстые колонны подпирали расписной потолок. Там, среди облупившихся голубых облаков, плавали мифические герои в довольно напыщенных позах, демонстрируя свои подвиги. Одну стену целиком занимали высоченные окна, украшенные витражами, зато противоположная стена, в середине которой торчал огромный камин, щеголяла голой каменной кладкой, отчего казалась ободранной и нелепо пустой.

За столом сидели двое: Робин Уэсли и его экономка. Блеклая фигура миссис Девис в неярком утреннем свете выглядела почти бесплотной. Мой дядя своей «приветливостью» мог поспорить с грозовой тучей:

– Наконец-то вы появились, – желчно произнес он. – Я не потерплю неаккуратности в своем доме, тем более от такой незначительной особы!

– Прошу прощения, – ответила я кротко, не желая начинать утро со ссоры.

Откуда мне было знать, что лорд Уэсли так чувствителен к расписанию? Я спешила как могла, задержавшись лишь на минуту, чтобы умыться и смахнуть с волос паутину, которой обзавелась после посещения чердака. Не могла же я выйти к завтраку с грязным лицом!

Дядя явно хотел продолжить воспитательную речь, но тут солнце наконец прожгло путаную прядь туч и выпустило лучи, разом ворвавшиеся в двадцать витражных окон. Сразу стало понятно, почему художник оставил противоположную стену пустой: солнечные блики расцвели ее сотнями блесток алого, синего и золотистого цвета. Я невольно ахнула:

– О, как красиво!

Пробурчав какое-то ругательство, дядя резко махнул рукой замершей у дверей служанке, приказав, чтобы подавали еду. Завтрак прошел в молчании. Миссис Дэвис отрезала ножом крошечные кусочки сладкого пирога и клала их в рот заученными жестами, словно кукла. Робин Уэсли безмолвствовал, озирая выставленные перед ним яства: варенья и желе в вазочках, крашенные вареные яйца, сложенные горкой ломти хлеба, источавшие приятный аромат, пузатый кофейник, в котором отражалось его причудливо искаженное лицо. Судя по задумчивому хмыканью и изредка подрагивающей левой брови, мысли лорда Уэсли бродили где-то далеко. Но когда его взгляд случайно задевал меня, в глазах снова вспыхивал жутковатый тлеющий огонек.

Я готова была поддержать беседу, только с чего начать? «Знаете, по дороге к вам мне удалось раскрыть одно маленькое преступленье» – нет, об этом лучше не вспоминать. «Кажется, я только что столкнулась со здешним привидением» – тоже не самое удачное начало разговора. Жуя кусок тоста, безвкусный, как бумага, я с тоской вспоминала уютные завтраки на Гросвен-стрит. Миссис Бонс по утрам никогда не ломилась в наши спальни, заставляя нас подниматься ни свет ни заря! Она просто оставляла блюда под крышками на буфете, на специальных подставках с маленькими горелками, чтобы мы могли сами выбрать себе, что хотели.

Покончив с завтраком, дядя отложил салфетку и устремил взгляд на меня. В этот момент он был разительно похож на мистера Тренора, который точно так же хмурился, стоило мне совершить какой-нибудь промах. Уэсли даже, пожалуй, превосходил его в суровости. Закашлявшись от смущения, я одним глотком допила весь кофе, оставшийся в чашке.

– Итак, – веско сказал лорд Уэсли. Посмотрел сквозь экономку, и та, пожелав нам приятного утра, поспешила покинуть трапезную.

– Итак, обсудим наши дела. Вы не можете оставаться в этом замке. Однако позволить вам жить одной я тоже не могу. И, конечно, совершенно недопустимо, чтобы вы продолжали работать у мистера Тренора, при всём моём уважении.

Я всем видом изобразила вежливое внимание. Интересно, к чему он клонит.

– Вам необходимо выйти замуж, и поскорее. Я намерен позаботиться об этом. В пяти милях отсюда, в поместье Хоппер живет миссис Полгрин, имеющая трех дочерей на выданье. Где трое, там и четверо. Полагаю, она не откажется вывести вас в свет в обмен на некоторые услуги.

Ну вот, приплыли. Мне опять навязывали роль дебютантки! Правда, это будет не так, как в Эшентауне, где мне приходилось осваивать тонкую науку кокетства под чутким руководством леди Элейн. Тогда это было понарошку, а дядя явно вознамерился взяться за меня всерьез! Следовало поскорее исправить возникшее недоразумение:

– Я благодарна вам за заботу, милорд, но в этом нет необходимости. У меня уже есть жених, и он скоро должен сюда приехать.

В первый раз за все утро дядино лицо просветлело. Вместо брюзгливого безразличия на нём отобразилось сначала облегчение, а затем – легкое беспокойство.

– Мистер Тревор, вероятно, забыл упомянуть об этом, – сказал он с удивлением в голосе. – Кто же ваш избранник?

– Сэр Кеннет Фонтерой, – храбро сказала я, надеясь, что небеса не накажут меня за самоуверенность. Что я буду делать, если Кеннет появится здесь через месяц, горячо поблагодарит меня за спасение и исчезнет?

– Вот как?! Хм...

Недоумение в дядином голосе показалось мне обидным.

– А что? – запальчиво спросила я. – Вам кажется странным, что человек его достоинств и положения заинтересовался скромной особой вроде меня?

– Нет, почему же. – Тонкие губы изогнулись в саркастической улыбке. – Мне известно, что вкус лорда Фонтероя в отношении женщин никогда не отличался изысканностью.

От этого оскорбительного замечания мои щеки полыхнули жаром. Я резко вскочила, жалея, что не обладаю способностью мгновенно придумывать достойные ответы. Как правило, они приходят мне в голову гораздо позже. Дядя тоже поднялся, не сводя с меня глаз:

– Неужели вы думаете, – произнес он негромко, но со сдержанной яростью, – что я позволил бы женщине из рода Уэсли выйти замуж за светского хлыща, имя которого годами не сходило со страниц скандальных хроник?!

Я не сразу поняла, что он имел в виду. Кеннет – и скандальные статьи? Какие? Когда? Потом до меня дошло:

– Но это было десять лет назад! С тех пор он изменился!

– Неужели? Позвольте вам не поверить. Я запрещаю вам даже думать о Фонтерое. Возможно, он был бы неплохой партией для Энни Фишер, однако он недостаточно респектабелен для Анны Уэсли.

У меня на языке вертелась сотня колкостей, но пришлось напомнить себе, что ссора с дядей никому из нас не пойдёт на пользу. Я решила с достоинством покинуть столовую, ограничившись уклончивым ответом:

– Мне нужно подумать.

Лорд Уэсли, однако, успел поймать меня за запястье. Для таких хилых рук, как у него, хватка оказалась неожиданно сильной:

– Мы сегодня же нанесем визит миссис Полгрин. Будьте готовы к трём.

Выйдя в коридор, я едва сдержалась, чтобы не хлопнуть дверью. Неужели он так зол из-за утреннего опоздания? Из-за такой мелочи?! Нет, здесь явно крылось что-то еще... Мне казалось, что за дядиными нападками кроется нечто большее, чем нормальное раздражение человека, на которого без предупреждения взвалили новую обузу.

В безопасной тишине своей комнаты я с размаху села на кровать и грустно рассмеялась. Всё-таки ситуация получилась комичная! Целую неделю я изводила себя переживаниями, что недостаточно хороша для лорда Фонтероя. А оказывается, с точки зрения дяди, это Кеннет недостоин меня!

Хотелось запустить чем-нибудь в стену, чтобы выплеснуть злость, но в моё отсутствие комнату аккуратно прибрали, и совесть не позволила устраивать беспорядок. Пока я изнывала в столовой за завтраком, чья-то невидимая рука успела застелить постель, вычистить камин и заново развести огонь. Элспет, конечно. На каминной полке стояла маленькая жестяная ваза с одуванчиками. Одуванчики! В январе! Интересно, где она ухитрилась их раздобыть? Даже если в замке имелись оранжереи, лорд Уэсли – точно не такой человек, чтобы разводить там весенние цветы. Ему больше подошла бы коллекция кактусов.

Как бы я ни храбрилась, дядино отношение к Кеннету представляло серьезную проблему. Формально лорд Уэсли считался моим опекуном, и если он будет решительно против нашего брака, нам с Кеннетом придётся сбежать из Уайтбора в почтовой карете, словно каким-нибудь

романтическим героям. Сомневаюсь, что он на такое пойдёт. Кеннет так щепетилен в вопросах чести, что наверняка решит добиваться моей руки официальным путем.

«Это если он *вообще* будет тебя добиваться, – прозвучал в сознании ехидный голосок. – Может, он наоборот обрадуется, когда Уэсли даст ему от ворот поворот!» Я сердито отбросила эту мысль.

Если я хочу выжить в Уайтборе, мне необходимо в кого-то верить.

Глава 4

Похоже, дядины распоряжения здесь выполнялись чётко. Ровно к трём часам у ворот стояла двуколка, чтобы отвезти нас к миссис Полгрин, в дом с забавным названием Хоппер (гнездо). Меня поразила мысль, что окрестным жителям, чтобы добраться до ближайших соседей, приходилось каждый раз преодолевать несколько миль по заиндевелым пустошам. Для меня, привыкшей к городской жизни, это было невероятно! В Эшентауне люди окружали вас повсюду. Здесь же можно было полдня бродить по холмам, не встретив ни единой души. Невообразимые просторы Думанона, продуваемые ледяными ветрами, ошеломляли и сбивали с толку.

Наша коляска бодро катилась по глубокой колее, проложенной многими поколениями мулов. Лорд Уэсли, отвернувшись, смотрел в сторону, хотя, на мой взгляд, смотреть там было особо не на что. Изредка попадались клочки обработанной земли, но вообще-то складывалось впечатление, что здешние люди не столько возделывали землю, сколько пытались забуриться вглубь. Характерный пейзаж Думанона представлял собой канавы, штольни, отвалы пустой породы, деревянные буровые вышки и колесные дробилки. Всё это перемежалось унылыми картинами болотистых пустошей, где ветер шевелил сухой вереск и трепал редкие чахлые деревца. Изредка попадались стоячие камни, провожавшие нас тяжелым взглядом. Солнце скрылось за облаками, и землю заливал какой-то неопределенный, болезненно-серый свет. Девять из десяти эшентаунцев при виде подобного пейзажа впали бы в меланхолию.

Мы проехали через шахтерскую деревню – горстку деревянных и глинобитных хибар, крытых плавником. Царившая здесь нищета просто поражала. Краска на стенах облупилась, кровли домов кое-где пестрели прорехами. Одна хижина и вовсе стояла пустой: окна заколочены, сквозь доски крыльца буйно проросла ежевика. Мелкая ребятня при виде коляски побросала свои игры и высыпала к дороге, будто экипаж, запряженный парой лошадей, был здесь невиданным чудом. Какой-то мужчина в рабочей робе и жёсткой шляпе с прилепленной к ней свечой, заслышав скрип колес, хмуро оглянулся, но, встретившись взглядом с лордом Уэсли, торопливо изобразил почтительный поклон. Вдалеке в холмах торчал полуразрушенный подъемник заброшенной шахты.

– Шахта Уил-Дейзи, – лениво произнес дядя. Это были его первые слова за всю дорогу. – Вам не помешает запомнить несколько ориентиров, прежде чем сами начнете наносить визиты. На здешних пустошах легко заблудиться.

Я представила, как буду в одиночестве бродить по болотам, чтобы потом насладиться обществом неведомой миссис Полгрин, и мысленно содрогнулась.

– Полагаю, вы умеете ездить верхом? – холодно осведомился Уэсли. – Я подберу вам подходящую лошадь.

«Вряд ли она заменит мне Шайн», – горько подумала я, отвернувшись. Беседа снова увяла. Шайн была волшебным созданием. Амброзиус подарил её мне, чтобы защитить меня от Лайбстера, а я не смогла ее уберечь... Она была так хороша, что с ней даже полный неумеха возомнил бы себя отличным наездником. С другой лошадью я вряд ли управлюсь. Откуда у меня, обычной «ищейки», возьмутся навыки езды в дамском седле? Или дядя думает, что в Эшентауне я брала уроки в манеже?!

Задумавшись, я не заметила, как мы пересекли неширокую рошу и добрались, наконец, до усадьбы. Кусты сирени вокруг дома разрослись так густо, что за ними была видна только крыша. Уже смеркалось, и сквозь тесно сплетённые ветви просвечивали приветливо горящие окна. В саду за домом слышалось монотонное бормотание ручья. Наше появление вызвало легкий переполох, так как мой дядюшка, со свойственным ему пренебрежением к чужому удобству, явился раньше положенного времени. Впрочем, хозяйка – весёлая полноватая дама в

широком синем платье и кружевном чепце – приветствовала его очень тепло и тут же засыпала вопросами о каких-то акциях и облигациях. Из слов миссис Полгрин я поняла, что она давно овдовела, так что ей приходилось самой вести дела. Меня же без церемоний отправили «поболтать с девочками». Такая простота обращения пришлась мне по душе. В характере миссис Полгрин прекрасно сочетались добродушный эгоизм и неугасимая бодрость духа.

– Приятно, когда в нашей глуши появляются новые лица, – улынулась Джейн, самая старшая из трех дочерей.

Она была на три года старше меня, с нежным, но твердым лицом и большими серыми глазами. Джейн показалась мне самой красивой из сестер. В резких манерах средней сестры, Кэролайн, слишком откровенно читались упрямство и решимость всегда оставлять за собой последнее слово. С ней, наверное, будет сложно поладить. Младшей, Мэри, было всего двенадцать. Она сидела в углу с книгой, забравшись с ногами в старое кресло, и едва обратила внимание на гостей. Трудно сказать, что из неё вырастет.

– Красивое платье! – похвалила Кэролайн, глядя на меня. – Где вы его заказали? В Эдгартоне?

– Я приехала из Эшентауна, – смущенно призналась я, с новым для себя ощущением некоторого превосходства. Мои прежние подруги, Селия и Селина, были гораздо образованнее и умнее меня, так что иногда трудно было отделаться от ощущения, что они посматривают на меня сверху вниз. Здесь же получилось наоборот. Джейн и Кэролайн, преисполнившись интереса, забросали меня вопросами о столице. Даже маленькая Мэри слегка оживилась. Бывала ли я в театре? Что за книги сейчас читают? Правда ли, что по вечерам на улицах Эшентауна светло как днём из-за газовых фонарей?

Для этих девушек, запертых посреди пустоши, любой человек, приехавший издалека, казался посланцем из другого мира. Вряд ли им часто удавалось выбраться хотя бы в Триверс. Я заметила на рабочем столе у окна стопку зачитанных до ветхости модных журналов и выкроек. Наметанный глаз «ищейки» быстро определил признаки бедности и запустения: лепнина в углах потолка пожелтела от сырости, половицы и двери скрипели, тиснёные обои, когда-то красивые, давно поблекли и напрашивались на замену. Зато сосновая резная полка над камином была натёрта до блеска, как и дверцы буфета, от чашек на столе поднимался ароматный пар, а задернутые шторы охраняли покой и уют. Очевидно, девушки любили свой дом и старались поддерживать его в порядке, несмотря на недостаток средств.

– После Эшентауна вы здесь вззоете от скуки, – заявила Кэролайн со всей прямоотой. – Особенно зимой! Ни прогулок, ни пикников – тоска... За прошлый месяц мы вообще ни разу из дома не вышли – лило как из ведра. Ручей за домом вышел из берегов, и я уже начала бояться, что нас попросту смое!

– Не будь такой мрачной, – мягко упрекнула ее Джейн. – Зато летом у нас собирается приятное общество! Сюда многие приезжают отдохнуть от городской суеты и полюбоваться видами.

– А некоторые даже остаются здесь насовсем, – поддакнула Мэри, бросив взгляд на хмурю Кэролайн. – Как Чарли Медоуз, например. Тоже ведь приехал на лето, но был так очарован красотами... здешних болот, что купил врачебную практику и остался.

На щеках у Кэролайн заалел лёгкий румянец.

– Такому прекрасному специалисту, как мистер Медоуз, не место в нашей глуши, – решительно заявила она. – Я уверена, что для него найдется хорошее место в Триверсе... или даже в Кэреске!

– Конечно, уж ты постарайся, – пробормотала Мэри.

– Да, представь себе, я не собираюсь заживо похоронить себя на болотах!

Назревавшую ссору прекратила Джейн, со свойственной ей деликатностью:

– Мистер Медоуз – это здешний врач, – пояснила она. – Кроме того, он увлекается ботаникой и составляет каталог местных растений.

– Его занятия заключаются в том, что он бродит по болотам и бросает деревянные обручи, а потом ложится на живот и часами рассматривает землю! – хихикнула Мэри, весело блеснув глазами. – Но я не сомневаюсь, что Кэрри после свадьбы отучит его от этих странных привычек!

Кэролайн вздернула голову, резкие слова уже готовы были сорваться с ее губ, но Джейн снова вовремя вмешалась:

– Перестань, Мэри. Ты просто боишься, что с отъездом Медоуза мы лишимся хорошего доктора, – поддразнила она сестру. – Ведь кроме него, никто не мог вылечить твой застарелый кашель! Мистер Коуд только и умел, что бормотать всякую чушь на латыни и пускать тебе кровь.

– И сколько я ни жаловалась, что мне от этого становится хуже, никто мне не верил, – вздохнула Мэри.

– Тише вы обе, Медоуз идет сюда! – шикнула Кэролайн, опуская штору. Сумерки за окном настолько сгустились, что я удивилась, как она смогла угадать появление молодого доктора. Разве что сердцем.

Осмотревшись по сторонам, я с изумлением заметила, что мой дядя куда-то исчез. Миссис Полгрин сидела одна, помешивая угли в камине. Я не поверила своим глазам. Ну и манеры! Бросил меня одну с чужими людьми и уехал!

– Лорд Уэсли никогда не остаётся к обеду, – улыбнулась хозяйка, перехватив мой растерянный взгляд.

– Это все потому, что у нас часто обедает мистер Гимлетт, который каждый раз донимает вашего дядюшку просьбами вновь открыть старые шахты, – хихикнула неугомонная Мэри. Джейн бросила на нее укоризненный взгляд, но миссис Полгрин неожиданно встала на сторону младшей дочери:

– Я совершенно согласна с Уэсли. Если бы Господь хотел, чтобы мы пользовались этой медью, он разместил бы её на поверхности. Ни к чему тревожить обитателей холмов – это может плохо кончиться, точно вам говорю!

Я насторожилась. К «обитателям холмов» у меня был свой интерес, но, к сожалению, наш разговор был прерван появлением доктора Медоуза.

– Что, приходил мистер Гимлетт? – спросил он, услышав обрывок последней фразы.

– Нет, зато приезжал мистер Уэсли и представил нас своей племяннице.

Мы поздоровались. Чарльз Медоуз оказался высоким молодым человеком, хорошо сложенным и, пожалуй, даже симпатичным, несмотря на узкий лоб и впалые щеки. Рыжеватые волосы в беспорядке спадали ему на плечи, карие глаза, из-за очков казавшиеся слишком большими, весело поблескивали. Он был одет в простой длинный сюртук, один рукав которого был слегка запачкан глиной. Видимо, доктор явился с визитом сразу после очередной вылазки на болота. Подтверждая мою догадку, он протянул зардевшейся Кэролайн маленький букетик сушеных былинки.

– Посмотрите только на этот цветок! Это редчайший вид *Geum rivale* из семейства Rosaceae, подобного которому не найдешь во всей Грейвиллии...

И он пустился в длинные объяснения, не совсем уместные в дамской гостиной. Однако лицо Медоуза светлело таким энтузиазмом, что никто не решился перебить его, чтобы не обидеть. Кэролайн застенчиво улыбалась, миссис Полгрин издали наблюдала за ними с благосклонным выражением, а Мэри украдкой шепнула мне на ухо: «У нее уже целый альбом таких гербариев!»

После того как он заметно расширил наши представления о местной флоре, доктор Медоуз обернулся ко мне:

– Значит, вам не пришлось быть свидетелем очередной эпической битвы между Гимлеттом и вашим дядей? – засмеялся он, показав крепкие белые зубы.

– Мистер Гимлетт живет на самой границе Босвенской пустоши, – пояснила Джейн. – Он патриот нашего края. Мечтает, чтобы шахты Уайтбора вновь заработали, и у шахтеров снова появился хороший доход.

– На самом деле он просто метит в парламент, вот и старается заработать побольше очков, – негромко заметила Мэри. У этой девочки был удивительно трезвый взгляд на вещи и отличные уши, не хуже, чем у Селии Виверхем.

С другой стороны, вспомнив дух запустения, царивший над крышами шахтерской деревни, я подумала, что мистер Гимлетт в чём-то может быть прав.

– С нынешними ценами на медь никакого заработка они не получают, – уверенно возразил Медоуз. – Я позавчера был в Триверсе и видел, что медь продают уже по восемьдесят фунтов за тонну. А запустить старую шахту встанет еще дороже, чем открыть новую! Нужно откачать воду, нужны насосы, дренаж, – он покачал головой. – Это просто финансовое самоубийство.

– Да, но шахту Уил-Дейзи ведь закрыли не из-за убытков, – напомнила миссис Полгрин. – Разве вы не помните, в честь кого её так назвали? Та девушка из шахтерского поселка...

– Бедняжка, – вздохнула Джейн. – Девять лет прошло с тех пор, как она утонула. В тот год тоже шли сильные дожди, затопившие шахту. Но ведь это был просто несчастный случай...

– Интересно, зачем её вообще понесло к шахте на ночь глядя? – сказала Кэролайн. – Я слышала, Дейзи всегда была немного странной. Из тех мечтательных дурочек, которые любят танцевать с феями в лунные ночи. Ну и дотанцевалась.

– Возле шахты, под холмом, есть древний спиральный лабиринт, – вставил Медоуз. – Крайне интересный объект! Я давно хотел его изучить, но, к сожалению, местным не понравился мой научный энтузиазм. В деревне верят, что лабиринт – это всё равно что ворота в царство фейри.

– Да, причём широко раскрытые ворота, – заметила Кэролайн, нахмутив брови. – Я не суеверна, но всё же прошу вас быть осторожнее!

От такой заботы Медоуз весь засиял, как новенький шиллинг. Мэри шёпотом добавила:

– А ещё говорят, что в ту ночь, когда исчезла Дейзи, в лабиринте слышали странные звуки! Так обычно воет Босвенский зверь – то ли гончая, то ли страж королевы сидов! Может, Дейзи его увидела? Испугалась, хотела спрятаться в шахте и упала в воду?

– Так, довольно, – вмешалась миссис Полгрин. – Зимний вечер – не самое подходящее время вспоминать страшные сказки.

– Странно, что тело потом так и не нашли, – сказала Кэролайн. – Из-за шахты поползли пугающие слухи, так что лорд Уэсли распорядился её закрыть, для всеобщего спокойствия. С тех пор люди боятся подходить к лабиринту. Испугаешься тут, когда каждую девятую зиму на земле Уайтбора кто-то исчезает! Говорят, это сиды забирают людей как плату за пользование замком – ведь когда-то Уайтбор был их собственным владением...

Я так заслушалась, что забыла про остывший чай. Миссис Полгрин уже с явным неудовольствием хлопнула дочь по руке:

– Перестань пугать нашу гостью, Кэрри! Чего доброго, мисс Уэсли подумает, что мы все погрязли в дремучих суевериях!

Передавая мне новую чашку, она улыбнулась:

– Красота здешних мест поневоле вызывает к жизни старые легенды, правда ведь? Но поверьте, что Уайтбор, несмотря на его впечатляющую мощь, всё же является творением рук человеческих. А шахтёрам вечно что-то мерещится. Вот недавно Ханна, наша кухарка, перепугалась до смерти, когда возвращалась от Тремонтенов и услышала заунывный вой. Я пыталась втолковать ей, что это была всего лишь бродячая собака – бесполезно!

«Но ведь Дейзи действительно пропала, – думала я, размешивая сахар. – Как бы распространить о других похожих случаях?» Вдруг меня осенило: мой отец, двоюродный брат нынешнего лорда Уэсли! Он погиб восемнадцать лет назад, правда, не здесь, но его тело тоже не было найдено! А со смерти Дейзи минуло как раз девять лет...

Когда девушки умолкли, в комнате повисла такая тишина, что стало слышно бормотание ручья за домом. Вдруг в передней хлопнула дверь и послышались чьи-то шаги.

– Кто-то пришёл! – встрепенулась Мэри.

Вместе со всеми я обернулась... и застыла в замешательстве. В дверях, снимая тёплую накидку, стояла миссис Трелони! Та самая миссис Трелони, с которой мы ехали в дилижансе, и которую мы с Недом спасли от ограбления! Мне стало нехорошо. Почему, ну почему я не уехала вместе с дядей?! А вдова уже раскланивалась с радушной хозяйкой:

– Позвольте вас познакомить с племянницей нашего лорда Уэсли, – пропела миссис Полгрин, ласково подзывая меня к себе.

Я приблизилась к ним на деревянных ногах, со страхом ожидая, что миссис Трелони сейчас воскликнет: «Ба! Да мы же знакомы! Это маленькая «ищейка», которая ловко болтает на кокни и обрабатывает мелких воришек!» После чего образ рафинированной барышни, которую я изображала здесь перед новыми подругами, вмиг слетит с меня, как листья с осеннего дерева. Я невольно втянула голову в плечи. Но вдова, прищурившись, только сказала:

– Сдается мне, вы приехали сюда в очень интересное время, Анна Уэсли.

«Заботливый» дядюшка не забыл прислать за мной грума, однако миссис Трелони сама вызвалась меня отвезти. Я обрадовалась, так как физиономия дядюшкиного слуги, на девяносто процентов состоявшая из усов и бороды, подозрительно напоминала волосатую морду хобгоблина, и мне вовсе не улыбалось ехать с ним в темноте через пустоши.

Снаружи все так же завывал ветер. Старенькую коляску раскачивало и подбрасывало на ухабах, но лошадь бежала резво, вероятно, стремясь поскорее попасть в родную конюшню. В воздухе носились клочья тумана. Ветер то взметал их к небу, то безжалостно прибывал к земле. Взгляд то и дело проваливался в темноту, и легко можно было представить, что находишься посреди океана. Шорох моря заменял сухой шелест вереска, а замершие вдалеке холмы походили на окаменевшие штормовые волны.

– Здешние люди называют это *слоа*. Мертвое воинство, – произнесла молчаливая до сих пор миссис Трелони.

– Что?

Она махнула рукой в сторону туманных вихрей, пронесившихся мимо:

– Люди верят, что солдаты, чьи тела не были похоронены в освященной земле, обречены вечно скитаться. Завтра все окрестные болота запестрят красным лишайником – это кровь *слоа* пятнает скалы и камни. Они мечутся, не находя покоя, совершают новые злодеяния, сбивают с дороги путников...

Очень утешительные сведения, и главное – как вовремя! На всякий случай я выглянула из коляски. Темно, не видно ни зги. Наш кучер, вероятно, находил дорогу шестым чувством.

– Не бойся, – в голосе странной вдовы слышалась легкая насмешка. – Мы не заблудимся. Колеса повозки обиты гвоздями из заговорённого железа, а у лошади железные подковы. Вряд ли *слоа* собьют нас с пути.

Как и в случае с миссис Дэвис, я не могла понять, шутит она или говорит серьезно. Мы снова миновали ту шахтерскую деревню. «Кавертхол», – пояснила миссис Трелони. Ночью вид её изменился. Туман, протянувший между холмов свои жадные лапы, приглушил огоньки в домах, что придало пейзажу слегка потусторонний оттенок. Казалось, что деревня не вполне принадлежит этому миру.

Я вспомнила, как меня поразила первая встреча с Лайбстером: он был одним из фоморов – существом, постоянно балансирующим на грани между нашим миром и Той Стороной. В Думаноне складывалось впечатление, что фоморами были абсолютно все.

– Вижу, люди здесь совсем по-другому относятся к фейри, чем в столице.

– Это верно, – согласилась вдова. – Здесь никто не подойдет ночью к амбару, если оттуда доносится звук молотыбы. Даже самые отъявленные скептики, отправляясь на болота, не забывают прихватить склянку со святой водой или мешочек соли. Или могильной плесени, если соль слишком дорога.

В Эшентауне фейри были легендой. Здесь они постоянно заглядывали вам через плечо.

– Рядом с Уил-Дейзи действительно есть лабиринт сидов? – не удержалась я от вопроса.

Миссис Трелони спокойно кивнула.

– Старое волшебство, но вполне действенное. – Острый взгляд блеснул в полутьме кареты. – Знаешь, в чем проклятие лабиринта? Ты всегда идешь по проторенному пути. Ни шагу в сторону. Никакой свободы.

Помолчав, она решительно произнесла:

– Фейри любят таких, как ты – любопытных девушек с горячим сердцем, но не вздумай играть с ними в игры! Это тебе не кошельки по дилижансам искать!

«Значит, она все-таки меня узнала».

– На первый взгляд ты неплохо разбираешься в людях, однако любой сид заморочит тебе голову без труда. Лучше с ними вообще не связываться, иначе может случиться всякое... Была девочка из шахтерского поселка – стала служанка королевы Мейвел. Был подполковник Уэсли – стал новый Нуада Серебряная Рука, и легенда подчинила его, увлекла за собой.

От неожиданности я даже подскочила:

– Вы знали моего отца?!

– Очень мало. Он ведь редко приезжал сюда. Военная академия, потом армия... Но я живу здесь давно, и видела многое.

Кажется, миссис Трелони пыталась предостеречь меня от чего-то. Нечто похожее говорил в свое время Амброзиус, представлявший волшебный мир как тележное колесо, надетое на прочную ось. Колесо, для которого характерно бесконечное вращение и повторение пройденного.

– Легенды повторяются, – сказала миссис Трелони с необычной серьезностью в голосе. – Меняются исполнители, но роли на Той Стороне век за веком остаются все те же. Смотри, чтобы Мейвел не затянула в свою сеть и тебя. Кажется, члены вашей семьи ей особенно по вкусу.

«Интересно, кого она имела в виду? Уж не моего ли дядюшку?»

Я бы непременно задала этот вопрос, но впереди уже показалась громада замка Уайтбор, подпиравшего небо высокими башнями. Между их зубчатыми кронами металась бешеная сова, в бессильном гневе снова и снова разбиваясь о камни. Где-то в темноте заорала разбуженная сова. Наша коляска остановилась в круге бледного света от фонаря, горевшего над сторожкой. Ступив на подножку и придерживая плащ от ветра, я обернулась, чтобы поблагодарить добрую женщину и заметила, что миссис Трелони вся подалась вглубь коляски, стараясь, чтобы замок не коснулся ее даже тенью. Слабый свет очертил хмурое лицо и недовольные складки возле рта.

– Не нравится мне это место, – буркнула она. – Да еще Имболк через три недели... Знаешь что? Если тебе будет здесь неуютно, ты всегда можешь погостить несколько дней у меня или у миссис Полгрин. Уверена, что лорд Уэсли не станет возражать.

Я со всей вежливостью отказалась от этого великодушного приглашения. У меня на Имболк были свои планы. Это одна из восьми ночей, когда обитатели Той Стороны могут

прийти в наш мир, и я очень надеялась увидеть родителей. А королевы Мейвел я не боюсь. Сталкивалась уже с её хитростью. Пусть только попробует меня поймать!

Глава 5

Лорд Уэсли сдержал угрозу, предоставив в мое распоряжение Ласточку – отлично выезженную трехлетнюю кобылу гнедой масти. Вскоре я убедилась, что наездница из меня действительно никудышная. В дамском седле я держалась как куль с песком. После первой поездки у меня ныло всё: руки, колени, плечи и даже голова. Ласточка всем видом показывала, что предпочла бы порхать без меня. Я понимала, что обладание лошадью давало больше свободы, и поэтому, сцепив зубы, продолжала тренировки. Однако наше состязание, кто кого переупрямит, меня порядком измотало.

Больше всего меня интересовал Кавертхол и таинственный Лабиринт. Утром, оседлав Ласточку (и привычно увернувшись, когда она попыталась цапнуть меня за плечо), я отправилась в пустоши. Метели сегодня не было. По крайней мере, ветер не пытался сбить вас с ног или вытряхнуть из одежды. Всё равно воздух был очень свежим, и я очень удивилась, заметив миссис Трелони в её черной накидке, неспешно бредущую вдоль дороги.

– Я люблю гулять по утрам, – пояснила она, поздоровавшись. – Привычка.

До её коттеджа отсюда было не меньше двух миль. Нужно обладать завидным здоровьем, чтобы находить удовольствие в таких прогулках! Но я всё-таки мало знала о привычках местных жителей. Может, для них это было в порядке вещей.

– А вы? Лорд Уэсли послал вас с поручением?

– Нет, просто хочу доехать до Кавертхола.

По лицу вдовы скользнула тень, но она промолчала, сказав только:

– Будьте осторожны.

Я спросила, не нужно ли ей что-нибудь в деревне, и, получив отрицательный ответ, тронулась дальше.

Серые и рыжие крыши Кавертхола почти терялись на фоне бурых холмов. Из печных труб тянуло дымком. Уютный домашний запах смешивался с прохладой тумана и терпким запахом влажной земли. Деревня встретила меня смачной уличной дракой. Правда, при моем появлении потасовка тут же прекратилась. Стайка пацанов – мелюзга, лет на десять младше меня – порскнула в разные стороны. Из уличной грязи с трудом поднялась скрюченная фигурка в рваной заляпанной рубахе. Мальчишка еле держался на ногах, но на его чумазом лице светилась решимость отомстить обидчикам.

– Как тебя зовут? – спросила я, подведя сорванца к уличной колоде, где скопилась талая вода. Палкой разбила лед, намочила платок и дала ему обтереть лицо.

– Джоэл, мэм.

Он был явно не рад моей заботе. Дичился и, похоже, жалел, что не успел смыться вместе с остальными. К его ногам жалась псина, такая грязная, что больше походила на волосатый ком глины.

– За что они тебя так?

Ответом было молчаливое сопение. С отвращением стряхнув с себя капли воды, Джоэл дернул плечом. Мол, тебе какое дело?

– Ты здесь живешь?

– Я к Дуайту приходил, – буркнул оборвыш тоном «отвяжись уже наконец». Кивнул в сторону глинобитной хибары, замыкавшей короткую улицу. – Принес ему кое-что.

Значит, он не местный. Тогда понятно. Я на собственной шкуре знала, как любая уличная банда относится к чужакам. Когда-то в Кречи (тут мне с ностальгией вспомнился Деннис) мы дрались не хуже, особенно если взрослых не было поблизости. Дрались за сытный «доходный» угол, за свою территорию. Да и просто так, для острастки. Чужаков нигде не любили.

– Ничего, я их тоже вздул! Будут помнить! – сипло хмыкнул Джоэл и солидно плюнул себе под ноги. Потрепал пса по загривку. Тот иногда поджимал заднюю лапу, но в остальном, кажется, не сильно пострадал. Впрочем, судя по виду, ему было не привыкать к побоям.

– Я племянница мистера Уэсли и хотела бы посмотреть здешнюю шахту. Покажешь? Я тебе заплачу.

– Да уж знаю, мэм. – На меня исподлобья зыркнули острые, как у волчонка, глаза. – Тут все про вас знают.

Несомненно, мой приезд здесь обсудили вдоль и поперек со всеми подробностями. Это вам не Эшентаун! Даже сейчас казалось, что обступившие нас серые дома обменивались заговорщицкими взглядами. Наблюдали, оценивали. Несмотря на разницу в нашем положении, мы с Джоэлом оба были чужаками. Я подумала, а не заключить ли нам союз?

Достав из кошелька медную монетку, я показала её парнишке – украдкой, на тот случай, если его алчные приятели таились поблизости:

– Хочешь проводить меня до шахты? Тогда залезай.

Он не заставил просить себя дважды, мигом взобравшись на лошадь позади меня. Над ухом послышалось взволнованное сопение. Ещё бы! Разве мог уличный мальчишка даже мечтать о том, чтобы прокатиться верхом! Пес по кличке Белс с заливистым лаем принялся носиться вокруг. Направив лошадь к холмам, я мысленно усмехнулась. Видел бы мой дядя, как я подсаживаю в седло мелкого вонючего оборванца! За такой проступок мне пришлось бы выдержать целую неделю проповедей, не меньше!

Я могла осмотреть шахту и в одиночку, но надеялась, что Джоэл расскажет мне что-нибудь интересное. Все мальчишки обожают страшные сказки.

Полуразрушенный подъемник торчал над холмом, как изувеченный палец. Судя по обвалам, местные жители потихоньку растаскивали камни для своих нужд: кому дом подправить, кому изгородь. Вход в шахту весь зарос колючим дроком, изнутри в лицо дохнуло пагубной сыростью и запустением.

Мы заглянули в темноту ствола, куда уходила старая деревянная лестница. Джоэл бросил камень и прислушался – через некоторое время внизу что-то негромко плеснуло. Интересно, как глубоко затопило штольни...

– Здесь два уровня, глубина – саженей сорок, – с видом знатока сказал мальчик.

Вонючий сырой воздух пробирал до костей. Я захватила с собой свечи, рассчитывая спуститься хотя бы до первого помоста, но теперь отказалась от этой затеи. Холод и гнилой запах действовали удручающе. Казалось, можно было подцепить заразу, просто заглянув вниз. Да и лестница выглядела ненадёжной. Все здесь истлело и разрушилось, старое дренажное оборудование насквозь проржавело.

«Если дядя все-таки решится запустить рудник, ему придется здорово постараться!»

С облегчением выбравшись наружу, я вдруг осознала, что мне показалось странным в этом месте. Неподвижность и тишина. Обычно на пустошах хозяйничал ветер: гонял поземку, шуршал вереском, ерошил заросли сухого дрока. А здесь было тихо. Таинственный провал шахты неслышно дышал мне в спину. В этом безмолвии хотелось раствориться.

С того склона, где мы стояли, был отлично виден бугристый лабиринт, расположенный внизу. Невысокие валы из камней, смешанных с землей, образовали причудливые извивы. Точно такие же я видела на схеме в одной из старых книг Амброзиуса. Меня обдало жаром. Настоящий сидский Лабиринт! Надо же! Прямо возле шахты, совсем близко от человеческого жилья!

Я почти ждала, что из-за валуна, возвышавшегося в центре лабиринта, вдруг покажется Мейвел в серебристом туманном плаще, словно скроенном из окружающего дня. Или выйдет «мистер Лайбстер», не к ночи будь помянут.

В сгустившемся тумане смутно раздалось тонкое ржание Ласточки, привязанной с другой стороны холма. Джоэл бубнил за спиной: «Незачем вам туда ходить, мэм, дурные дела там творятся...», но я не послушалась. Стоило мне шагнуть в Лабиринт – и мир изменился. Воздух вдруг потеплел, наполнился шорохом, поманил чем-то родным... знакомым... Я впервые видела это место, и все же *знала* азбуку этих покрытых лишайниками коридоров и изгибов; мое тело само вспомнило движения танца, в котором следовало скользить по замшелым тропам, чтобы не пропустить нужный поворот.

Этот лабиринт можно было пройти, только танцуя. Он обещал привести в мир незапамятной древности, неизменный и вечный. Он говорил со мной. Нашептывал, звал... Если между нашим миром и Той Стороной действительно пролегла граница, то здесь она была не прочнее мыльного пузыря.

Вдруг мне показалось, что настроение Лабиринта изменилось. Валы сдвинулись теснее, а в сухом шелесте теперь слышалось что-то угрожающее. Возле моих колен, сплетаясь, протянулись щупальца серого тумана.

– Мисс Уэсли! – послышался резкий голос.

Это был не Джоэл. Оглянувшись, как во сне, я увидела стоящую рядом с мальчишкой миссис Трелони. Две фигуры – низенькая и высокая – казались странно маленькими и далёкими, будто я смотрела на них в перевёрнутую подзорную трубу.

Пожалуй, она вовремя меня остановила. Липкий серый туман казался недобрым предзнаменованием. Я едва не подвернула ногу, торопясь взобраться обратно на холм.

– Просто любопытно стало, – сказала я, запыхавшись, в ответ на суровый взгляд пожилой дамы.

– Чем тоньше лед, тем больше хочется убедиться, выдержит ли он. Не так ли? – усмехнулась она.

Я промолчала. Мы направились обратно к деревне. Джоэл с Белсом наперегонки умчались вперёд, и весёлым крикам мальчишки вторил залиvistый лай счастливого пса.

– Этот Лабиринт стоит здесь с незапамятных времён, но в последние годы вокруг него происходит нечто странное, что мне совсем не нравится, – сказала вдова. – Лучше держитесь от него подальше! Он построен не для людей.

– А для кого?

Миссис Трелони ответила не сразу:

– По легенде, его построил принц фейри для своей возлюбленной, – продолжила она совсем другим тоном. – Он любил её, а она полюбила человека. Чтобы облегчить ей переход в человеческий мир, он и создал этот Лабиринт...

На мой взгляд, это был поступок, совершенно не характерный для сйда.

Возле шахты миссис Трелони со мной попрощалась. Ей предстоял ещё долгий путь через холмы. Джоэл караулил меня возле Ласточки, вероятно, с тайной надеждой прокатиться снова. Я вздохнула, пытаюсь избавиться от впечатлений, навязанных Лабиринтом. Окружающий мир постепенно приходил в норму. По крайней мере, перестал сворачиваться в трубу, ведущую... куда-то там.

– Миссис Трелони права, *туда* лучше не соваться, – болтал Джоэл. – Парни в деревне рассказывали, что как-то раз видели Дейзи рядом с этим холмом. Вы слышали о ней, да? Будто бы она выходит из кругов, лицо повернет к деревне и смотрит. Скучает, видать.

– А ты сам не боишься гулять возле шахты?

Ухмыльнувшись, Джоэл вынул из кармана и подбросил на ладони завязанный лоскут:

– Видели? Самая что ни на есть настоящая кладбищенская пыль! Если что, вокруг себя ее насыплешь, заговор прочитаешь – и никакой сид тебе не страшен! Будет бродить вокруг да около, пока не развеется.

Я едва не рассмеялась: ну, храбрец! Слышал бы его Лайбстер! Поди, тоже хохотал бы до коллик, а потом заманил бы нахала в болото и окунул в трясину по самую маковку, чтобы на всю жизнь запомнил. После стычки с Лайбстером возле Плачущего озера мне слабо верилось в действенную силу амулетов и заговоров. Настоящего фейри не отпугнёшь щепоткой могильной грязи! Это все равно что выйти с деревянной сабелькой против дракона...

– Наш Дуайт много знает про их обычаи, – звенел над ухом голосок Джоэла. – Он рыбак и живёт в Кавертхоле уже лет сто. Правда, теперь редко выбирается из своей берлоги. Незачем, говорит. Хотите, я вас познакомлю?

Я решила, что познакомиться не помешает, а вот разговор лучше отложить до другого раза. На сегодня с меня достаточно впечатлений. От шахты веяло такой обморочной стылостью, что даже немного знобило.

– Ладно, – согласилась я. – Поедем.

Тем же манером мы вернулись в деревню. Старый рыбак Дуайт действительно оказался дома – он сидел на пороге своей хижины, грязной, как лисья нора. Похоже, он был из тех людей, которые с возрастом утрачивали вкус к жизни. Если верить Джоэлу, Дуайт целыми днями околачивался в деревне, изредка наведываясь в паб, чтобы оскорбить кого-нибудь. Вот и сейчас, хотя время было ещё раннее, от него за милю разило джином.

– Ну? – брюзгливо спросил он, подняв косматую голову, когда мы с Джоэлом подошли ближе.

– Помнишь, ты рассказывал мне о кругах под шахтой? – зачастил мальчишка. – Расскажи теперь этой леди.

– Можя и рассказывал, – пробубнил старик, взглянув на меня красными бульдожьими глазками. – Только недосуг мне сейчас. Вона, сеть прохудилась, чинить надоть.

Он потянул к себе рваную рыбацкую сеть, явно валявшуюся здесь не один месяц. Я пожелала обоим – Дуайту с Джоэлом – хорошего дня и распрощалась, мысленно поставив галочку, что надо как-нибудь постараться застать рыбака в более трезвом виде. После этого мы с Ласточкой покинули Кавертхол. Уже близилось время обеда, а я скорее предпочла бы свернуть себе шею, пустив лошадь в галоп, чем ещё раз выстоять под ледяным душем дядиных насмешек.

Миля за милей тянулись рыжие пустоши. Время от времени однообразный пейзаж оживлял какой-нибудь дольмен, похожий на огромный стол: три валуна стоят торчком, сверху на них возлежит ещё один плоский камень. Иногда попадались кромлехи, иногда – отдельно стоящие высокие валуны, похожие на диковинное войско, окаменевшее под действием дневного света.

Возле развилки на Ловери я натянула поводья, заметив мелькнувшее среди кустов дрока знакомое коричневое пальто. Мне следовало торопиться, но не могла же я не поздороваться с нашим обаятельным доктором:

– Мистер Медоуз!

Обернувшись, Медоуз растерянно повертел головой и заулыбался, поспешив мне навстречу. Перед собой он катил два больших деревянных обруча. Спешившись, я сошла с дороги, ведя Ласточку в поводу. Сырая земля была мягкой, как губка. Она хлюпала и слегка пружинила под ногами.

– Эти рамки нужны, чтобы определять и считать растения на пробных участках болот, – пояснил доктор Медоуз в ответ на мой удивленный взгляд. – Вы бросаете их случайным образом, а потом считаете всё, что попало внутрь.

«Вот оно что! Надо будет рассказать Мэри», – подумала я.

Увиденный Лабиринт всё ещё будоражил моё воображение, поэтому я предупредила:

– Вы бы осторожнее гуляли по пустошам...

– Вот и мисс Кэролайн говорит то же самое, – вздохнул Медоуз. – Не пойму, о чём она беспокоится? Здешние болота – самое умиротворяющее зрелище из всего, что я видел.

Он окинул окрестности уверенным взглядом человека, чьи представления об окружающем мире не могло поколебать абсолютно ничто.

– Для человека, разбирающегося в ботанике, на болотах нет никакой опасности. Где угодно можно отыскать твёрдую тропу, – продолжал Медоуз, с удовольствием вернувшись к любимой теме. – Вон, смотрите! Видите? Это сивец. Там, где он растёт, можно смело ставить ногу или даже ехать верхом на лошади! Почва выдержит. А вон там, смотрите, какое чудо!

Прыгая по кочкам, как тощий коричневый грач, он присел, поколдовал над чем-то и поднес мне комок прутиков, похожих на спутанные шнурки от ботинок.

– Луноцвет, первое весеннее украшение здешних мест, – произнёс Медоуз с благоговением. – Согласен, что сейчас он выглядит не очень, но посмотрите, что будет через месяц! Луноцвет расцветает с первыми оттепелями. И почти сразу гибнет, к сожалению. Очень хрупкий цветок. Я давно за ним охочусь.

Говоря о своих любимых растениях, доктор даже порозовел. Его добрые карие глаза возбужденно блестели за стеклами очков.

При виде этой наивной самоуверенности предчувствие беды, посетившее меня в Лабиринте, тяжким грузом легло мне на душу. Я не видела, в чём заключалась опасность, но чутьё подсказывало, что нам точно что-то грозило. Однако уговаривать Медоуза было бесполезно.

«Лучше поговорю с Кэролайн», – подумала я. – Если уж она не сможет отвлечь его от болот, то никто не сумеет!»

Глава 6

Робин Уэсли поощрял мои занятия верховой ездой, хотя, подозреваю, им руководила не столько забота о племяннице, сколько желание держать меня подальше от замка. С Уайтбором тем временем творилось что-то странное. Он застыл посреди рыжего холмистого моря, словно каменный остров, и тихо мрел в ожидании какого-то события. Я не забывала про Имболк, хотя моя голова в эти дни была занята новыми знакомствами и визитами.

Нынешним утром я возвращалась от миссис Полгрин в довольно скверном настроении. Оставив Ласточку на попечении конюха, злобно хлопнула дверью в холле, стянула перчатки. Я надеялась мирно провести время с Джейн и Кэролайн, разбирая вышивки и сплетничая о соседях, когда к ним вдруг заявила миссис Гимлетт. Это про её мужа миссис Полгрин рассказывала, что он был энтузиастом шахтерского дела, не давая проходу лорду Уэсли. Если этот джентльмен так же надоедлив, как его супруга, тогда я отлично понимаю дядю! Миссис Гимлетт всего за полчаса довела меня до нервной трясучки.

Оказалось, что она имела родственников в Астилии, и, узнав, что мой близкий друг уехал туда с дипломатической миссией (я сто раз прокляла себя, что проболталась Джейн про Кеннета!), устроила мне настоящий допрос. Правда ли, что астильского короля вынудили отречься от престола? Правда, что сацилийские войска уже продвинулись за Бебрийские горы? Что слышно в министерстве? Неужели будет война?

Как будто я что-то знала! За четыре недели я не получила от Кеннета ни письма, ни весточки. Я успокаивала себя тем, что письмо могло не дойти до Грейвиллии или затерялось на почте. Может, Кеннету вообще запретили писать! Но тревога росла. По ночам я долго лежала без сна, глядя на серебряное лунное колесо, проплывающее в синем квадрате окна. А когда удавалось уснуть, то перед глазами возникала фигура Кеннета, охваченная огнем, а затем – всплеск драконьих шелковых крыльев и пронизывающий золотой взгляд, словно удар ножа. Я просыпалась вся в поту, с колотящимся сердцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.